

Золото

Автор:

Крис Клив

Золото

Крис Клив

«Золото» рассказывает историю двух подруг и соперниц, высококлассных спортсменок Кейт и Зои. Они не только борются за первенство на велотреке, но и обе влюблены в Джека – своего коллегу по команде. Питомцы одного тренера, все они готовятся к самому главному старту своей карьеры. Изматывающие тренировки, жестокий режим, строжайшая диета – на эти жертвы они идут, не задумываясь. Но на чаше весов оказываются вещи куда важнее – дружба и любовь, верность и предательство, зависть и самопожертвование... Героям книги приходится делать трудный выбор и искать ответ на нелегкий вопрос: какова же она, истинная цена золота?

Крис Клив

Золото

Посвящается Сесили

Chris Cleave

Gold

Copyright © Chris Cleave 2012

Перевод с английского Надежды Сосновской

This edition is published by arrangement with Rogers, Coleridge

& White Ltd and Andrew Nurnberg Literary Agency

Вторник, 24 августа 2004 Афины. Олимпийский велодром. Женский спринт.
Финал. Раздевалка

По ту сторону металлической двери пять тысяч мужчин, женщин и детей выкрикивали ее имя. Зоя Касл заранее знала, что ей это не понравится, и ей это не нравилось. Ей было двадцать четыре года. Она сидела там, где велел тренер, – рядом с ним, на узкой белой скамейке, обклеенной голубой защитной пленкой.

– Не прикасайся к двери, – сказал тренер. – Она на сигнализации.

В крошечной подземной раздевалке, кроме них, не было никого. Стены были отштукатурены недавно, и на полу – в тех местах, где раствор падал со шпателя, белели комочки смеси. Зоя поддела ногой комочек, он покатился по каменному полу и стукнулся о дверь.

– Что? – спросил тренер.

– Ничего, – пожала плечами Зоя.

Когда она представляла себе успех – позволяла воображению зайти так далеко, – то полы и стены всех зданий в Афинах виделись ей девственными, сотворенными из некоего олимпийского материала, светившегося изнутри. В воздухе не витал запах цемента. На полу не валялась пластиковая папка с инструкцией по подключению кондиционера, стоявшего в углу раздевалки, – пока он работал не на полную мощность.

Тренер заметил выражение ее лица и усмехнулся:

– Ты готова. Это главное.

Она попыталась улыбнуться в ответ. Улыбка получилась похожей на жеребенка, только что появившегося на свет, у которого сразу же подогнулись ножки.

Наверху публика стала топтать ногами. Старт был отложен. Трибуны гудели. Комнатка сотрясалась от их грохота. Топот был таким громким, что у Зои стучали зубы, все внутри дрожало. Удрать бы с велодрома через заднюю дверь, схватить такси до аэропорта и улететь домой ближайшим рейсом. Интересно, станет ли она первой, кто совершит столь простой и понятный поступок – тихо смоемся с Олимпийских игр. Наверняка она могла бы заняться чем-то еще, кроме спорта. Ее любили журналы. Она неплохо смотрелась на их обложках. Она была хороша собой – коротко стриженные блестящие черные волосы, большие зеленые глаза на бледном загадочном лице уроженки средневековой Европы. В линии губ чувствовалась едва заметная жестокость, в чертах лица, неизменно привлекавшего к себе взгляд, был намек на сталь. Возможно, она могла бы как-то это использовать. Давала бы интервью, смеялась за кулисами после шоу, когда журналист интересовался бы, а знает ли она, что потрясюще похожа на ту англичанку, которая сбежала с Олимпийских игр? Как же ее звали? «Ха-ха, – сказала бы она. – Меня то и дело об этом спрашивают. Да, кстати, а что с ней стало, с той девушкой?» Тренер дышал ровно и медленно.

– Главное – ты в полном порядке, – сказала Зоя.

– А почему бы и нет?

– Просто еще один рабочий день, да?

– Именно, – подтвердил Том. – Мы всего-навсего показываем результат нашей работы. А ты чего, медаль хочешь? – Заметив, как она на него смотрит, примирительно поднял руки. – Прости. Старая тренерская шутка.

Зоя чертыхнулась. Том ее злил. Совсем ни к чему эта безмятежность – его попытка сделать вид, что ничего особенного не происходит. Обычно он вел себя намного лучше, но именно теперь, когда нужнее всего была его сила, у него явно сдавали нервы. Может, по возвращении в Англию стоит поменять тренера?

Не сказать ли ему об этом, чтобы убрать эту фальшиво-мудрую улыбочку с его физиономии?

Несмотря на то что в камере было тепло, ее всю трясло, и она ничего не могла поделать с этой унижительной дрожью. Она уже надела костюм и размялась; сдала анализ мочи и восемь кубиков крови – наверняка почти чистый адреналин; сказала несколько нервных слов под камеру для спонсоров; подписала бланки участниц заезда и приколола гоночный номер к спине комбинезона. Потом она сняла костюм и заново приколола номер булавками – повыше. Ей совершенно нечем было заняться в эти томительные минуты ожидания.

Толпа зрителей приступила к новой шумовой атаке.

Зоя с силой ударила ладонями по скамье:

– Я хочу туда! Почему не открывают дверь? Том зевнул и отмахнулся:

– Ради нашей же безопасности. Нас выпустят, как только служба охраны проверит коридоры.

Зоя обхватила голову руками. Эта была просто пытка – оказаться запертой в крохотной комнатухе, сидеть тут и ждать, когда кто-то там решит их освободить. Она не могла остановить дрожь, не в силах была оторвать взгляд от металлической двери. От рева толпы дверь подрагивала на петлях. Очень крепкая дверь. Она могла бесконечно долго выдерживать напор жаждущих автографа, за ней мог полчаса бушевать пожар... Но страх проникал сквозь нее беспрепятственно.

– Боже... – прошептала Зоя.

– Страшно?

– Того и гляди наложу в штаны. – Зоя подняла глаза на тренера. – Скажи, Том, только честно, тебе не страшно?

Он покачал головой:

– В моем возрасте такие события не пугают.

– А что пугает?

Том неопределенно пожал плечами:

– Ну знаешь... Постоянное ощущение того, что в погоне за собственными призрачными целями я не был достаточно щедр душой с теми людьми, которые мне дороже всего, за кого я чувствовал эмоциональную ответственность.

Том выдул пузырь из жвачки и стал разглядывать свои ногти. Зоя была готова его убить.

На трибунах над ними бушевал шквал. Ведущий взвинчивал толпу. Зрители выкрикивали имя Зои; топали ногами все громче. Лампочка-временка погасла и тут же неровно замерцала снова. Пыль струйкой посыпалась с потолка.

– Как думаешь, здание выдержит? – хмыкнул Том.

– Заткнись, ладно? – взорвалась Зоя. – Заткнись, заткнись, заткнись!

– Да будет тебе, – усмехнулся Том. – Подумаешь – еще одна велосипедная гонка. Тоже мне важность.

– Еще бы! – не унималась Зоя. – Это ж не твое имя орут пять тысяч глоток.

Том наклонился и взял Зою за руку.

– Знаешь, чего тебе надо бояться? Того дня, когда они перестанут выкрикивать твое имя. Тогда ты станешь такой, как я: пылью, собирающейся в щелях между досками на треке; слюной, засыхающей на комке жвачки, приклеенной снизу к сиденью; шарканьем метлы, подметающей трибуны после того, как смылась публика. Хочешь стать всем этим? Хочешь?

Зоя хмуро покачала головой. Том прижал ладонь к уху:

– Что-что? Не слышу тебя за всеми этими воплями любви! Ты бы предпочла стать девчонкой, которую никто не помнит?

– Да нет же, черт бы тебя побрал! Том улыбнулся:

– Вот и славно. А теперь отлепи свою задницу от скамейки и добейся победы!

Оба устремили взор на запертую металлическую дверь, потом посмотрели на пол, а потом – друг на друга. Прошла минута. Том вздохнул.

– Хорошо поболтали, правда? Жаль, я быстро устал. Зоя уставилась на тренера. Она была готова плюнуть ему в лицо.

Наверху по-прежнему бушевала толпа. Цементная пыль сыпалась из щелей непрерывно.

Зоя все смотрела и смотрела на дверь.

– Почему никто не приходит? Мы сидим тут уже целую вечность.

– Может быть, это наш персональный ад. Может быть, за нами никто никогда не придет, толпа будет вопить все громче и громче, а мы навечно останемся здесь одни, наедине со своими мыслями.

– Хватит уже шутить! И так тошно.

Том внимательно посмотрел на Зою.

– Из-за Кейт?

Удивительно, насколько ей полегчало, когда Том произнес имя Кейт. При последних приготовлениях, проверяя шипы на ботинках и протирая зеркальце, она не осознавала, как это ее мучает.

– Она должна была находиться рядом, – сказала Зоя. – В этом финале должны были участвовать и я, и она.

Тренер сжал ей коленку.

– Умница. Но ты не заставляла Кейт остаться дома. Она сама так решила.

– Все равно...

– Я хочу, чтобы ты это сказала, Зоя. Я хочу, чтобы ты произнесла: «Кейт сама так решила».

Зоя долго смотрела в пол. Рев толпы ускорял разгоряченные молекулы воздуха в маленькой раздевалке с незаконченным ремонтом. Вибрация от топота ног проникала через стальной каркас скамьи. Белое пластиковое сиденье сотрясалось.

Зоя медленно подняла голову.

– Кейт сама так решила, – тихо повторила она слова Тома. – И я тоже.

Том смотрел на нее неотрывно.

– Хорошо, – проговорил он наконец. – А теперь выбрось это из головы. Договорились? Там была жизнь, а тут – спорт. Думай только о ближайших десяти минутах.

Зоя сглотнула ком, подступивший к горлу.

– Ладно. Том рассмеялся:

– Ну хорошо, тогда к чертям этот испуганный вид!

– Господи, какой гам. Просто страшно.

– Послушай, Зоя. Ты очень много работала. Ты добралась до финала. В худшем случае станешь второй лучшей гонщицей на планете. Самое ужасное, что может случиться в ближайшие десять минут, – выигрыш олимпийского серебра.

– Это точно.

– Не хочешь выиграть серебро? Зоя подумала и кивнула:

– Лучше, мать твою, сдохнуть.

– Честно?

– Честно.

Зоя глубоко вздохнула, и дрожь, сотрясавшая все ее тело, мало-помалу отступила.

Когда она снова посмотрела на Тома, он улыбался.

– Ты что? – спросила Зоя.

– Юная леди, вот теперь ты наконец готова к первому в твоей жизни олимпийскому финалу. А теперь сделай одолжение нам обоим. Поднимись туда и выиграй эту гонку.

– А как же дверь?

– Она была заперта только в твоём воображении, – усмехнулся Том.

Зоя встала и робко толкнула металлическую дверь двумя пальцами. Дверь на хорошо смазанных петлях легко открылась, и в раздевалку хлынул гул многотысячной толпы. Дверь ударилась о притолоку; раздался звук, похожий на звон огромного колокола.

Зоя в изумлении уставилась на тренера.

– Ну что еще? – спросил Том. – Иди уже. Между прочим, ты и так уже жутко опаздываешь.

Зоя бросила взгляд на открытую дверь, потом на тренера.

– Ну ты даешь... Придумал тоже...

– Доживешь до моих лет – и не такое придумаешь.

Высокая белая лестница, ведущая к треку, казалась серебряной под лучами солнца, падавшими сквозь большие окна в крыше велодрома. На последней ступени красовался олимпийский девиз, изображенный голубыми, почти вертикальными буквами: «Быстрее, выше, сильнее». Зоя глубоко и медленно вдохнула горячий, ревущий воздух. Теперь все прошедшее было прощено и забыто. Толпа скандировала ее имя. Он улыбнулась, выдохнула и сделала первый шаг к льющемуся на нее свету.

Восточный Манчестер, Клейтон, Баррингтон-стрит, 203

Глядя на экран маленького телевизора в тесной гостиной дома с двумя спальнями и террасой, Кейт Медоуз наблюдала за тем, как ее лучшая подруга выходит через туннель на центральную арену велодрома. Рев толпы зазвучал вдвое громче, заглушая голоса комментаторов. Сердце Кейт гулко забилося. Концентрические волны заходили по молоку в детской бутылочке, стоявшей на телевизоре. Когда Зоя в ответ на поддержку зрителей подняла руки, это было встречено таким дружным воплем, что бутылочка поехала в сторону, накренилась и упала. На светло-коричневый ворс ковра выплеснулась молочная смесь. Кейт не обратила на это внимания. Как зачарованная, она смотрела на Зою.

Кейт было двадцать четыре года. С шести лет она мечтала выиграть золото Олимпиады. Восемнадцать лет тренировок прошли идеально: она достигла наивысшего уровня в спорте. Их с Зоей тренировал один и тот же тренер. Кейт победила Зою на национальных соревнованиях и чемпионате мира. А потом, на последнем году подготовки к играм в Афинах, появилась малышка Софи.

Телевизор был стареньким, качество изображения ужасное, но Кейт прекрасно знала, что Зоя сидит сейчас на американском гоночном велосипеде за двенадцать тысяч баксов, с матово-черной несущей рамой из высокомодульного однонаправленного углеродистого волокна, а она, Кейт, – на диване «Клиппан», купленном в «ИКЕЕ», – со стальными ножками, выкрашенными эпоксидно-полиэстеровой порошковой краской, и съемным красным покрытием, которое

можно стирать в стиральной машине. Кейт понимала, что существуют победы, которых можно достичь, оседлав диваны, но это были маленькие, домашние триумфы, исчисляемые количеством отлученных от груди детишек и успехами в их умении пользоваться горшком. Она прижала пальцы к вискам и заставила себя вспомнить о том, как сильно любит Софи и Джека, а он сейчас как раз в Афинах и готовится к завтрашней гонке. Она попыталась изгнать все завистливые мысли из головы и давила костяшками пальцев на виски, пока не стало больно, но – да помилует ее Господь – душа все равно жаждала победы – золота.

Софи, забравшись под журнальный столик, возилась с опрокинутой миской, где были остатки завтрака и ланча, радостно запихивая в рот пригоршни кукурузных хлопьев, смешанных невест с чем. Врач сказал, что она слишком слаба, чтобы везти ее в Афины, но сейчас Софи просто лучилась здоровьем. Приходилось напоминать себе, что дети не делают ничего подобного нарочно. Они не водят по кухонному календарю маленькими пухлыми пальчиками, чтобы уяснить точное расписание ваших заветных планов, а потом выдать приступ астмы или аллергии, разрушающий эти планы.

Было душно. Открытое окно не спасало. Асфальт на заднем дворе плавился от гнетущей августовской жары. С затылка Кейт стекла струйка пота. За стеной слышался вой соседского пылесоса. Стонал мотор, то и дело утыкалась в плинтус пластиковая насадка – как узник, приговоренный к пожизненному заключению, отчаянно желавший хоть с кем-нибудь поговорить. Телевизионную картинку пересекали, потрескивая, полосы помех, они закрывали лицо Зои, занявшей место на старте.

Две гонщицы слушали команды стартера. Монотонный голос вел обратный отсчет секунд: от десяти до одной. Выше линии старта, за турникетами, мелькнуло лицо Тома Восса. Он сидел с представителями МОК и другими важными персонами. Стоило Кейт увидеть своего тренера, как у нее чаще забило сердце. Как всегда, при виде Тома ее организм приготовился к интенсивным нагрузкам. Адреналин захлестнул ее. Когда обратный отсчет дошел до пяти, Кейт увидела, как напряглись руки Зои на руле велосипеда. Инстинктивно напряглись и ее руки, сжали призрачный руль в жарком воздухе гостиной. Дрогнули икроножные мышцы, обострилось восприятие – она ощущала теперь каждую секунду. Чертово тело! Все еще готовится к соревнованиям – безнадежно, как сердце вдовы, трепещущее при взгляде на фотографию дорогого покойника.

Что-то, похоже, случилось: Софи вскрикнула. Кейт наклонилась, подняла с пола и поставила на журнальный столик маленький электрический вентилятор – подальше от любознательных пальчиков дочери. Дуновение воздуха было так приятно. Стартер на велотреке произнес: «Три». Зоя нервно облизнула губы. «Два, один!» По лбу Кейт потекли струйки пота. Она наклонилась и переключила скорость на панели вентилятора.

Телевизионная картинка вдруг сжалась и превратилась в яркую белую точку, а потом и вовсе пропала. Вой пылесоса за стеной пошел на убыль. Мотор издал долгий протяжный вздох и умолк. Соседка за стеной выругалась. Лопасты вентилятора стали видимыми, замедлили вращение и замерли. Ветерок, овевавший лицо Кейт, пропал. Непонятно, как это вентилятор мог вытворять такое в унисон с телевизором? В следующее мгновение Кейт догадалась, что вырубился предохранитель. Как всегда, погасло электричество на половине улицы.

Кейт стало жаль себя, что случилось нечасто. Только такие мелочи и выводили ее из себя. Пропустить Олимпиаду... Ужасно! Это причиняло тяжелую тупую боль. словно тебе дали наркоз, а потом избили. А вот билет Джека на самолет ранил острее. Его сумка, которую он прислал, чтобы она собрала его вещи, пустота, образовавшаяся в гардеробе... И вот теперь – отключилось электричество.

Через секунду она посмеялась над собой. В конце концов, все можно исправить. Кейт порылась в ящике на кухне, нашла запасной предохранитель, взяла фонарик и пошла в туалет под лестницей, где находился щиток. Софи захныкала, и Кейт взяла дочь на руки. Держа одной рукой предохранитель с фонариком, она встала на сиденье унитаза. Софи вертелась и хныкала, пытаясь дотянуться до предохранителя, и Кейт решила: важнее, чтобы дочку не ударило током, а не возможность увидеть гонку с участием Зои.

Она вернулась в гостиную, усадила Софи на пол. Дочка обрадовалась и тут же возобновила свои нескончаемые поиски опасных предметов, которые можно сунуть в рот. К этому моменту в полутора тысячах миль от Англии, в Афинах, первый из заездов троек уже закончился, и Зоя или победила, или нет. Так обидно было не знать, как все случилось на самом деле. Кейт стала включать и выключать телевизор, словно дело можно было поправить с помощью какого-то чудодейственного механизма в проводке – некоего электронного лейкоцита. Картинка не появилась. Вместо нее на пустом черном экране Кейт видела свое

отражение. Она поправилась на десять фунтов и в три часа дня все еще расхаживала в ночной сорочке.

Кейт вздохнула. Что же, эту проблему можно решить. Несколько миль пробежек – и лицо осунется, а светлые волосы не придется стягивать в тугий пучок, чтобы уберечь от пальчиков Софи. Голубые глаза прячутся за уродливыми очками лишь потому, что она просто-напросто не находит в себе сил одеться, походить по магазинам и купить очищающую жидкость для контактных линз. Все это можно со временем сделать.

И все-таки Кейт не сводила глаз со своего отражения, с ужасом думая, что теперь Джек вряд ли может считать ее привлекательной. «От таких мыслей недолго и спятить...» Кейт плюхнулась на диван, позвонила Джеку. Он взял трубку, и она услышала не только его голос, но и рев пятитысячной толпы.

– Ты видела? – кричал он. – У нее получилось! Победила так, словно ей это ничего не стоило!

– Зоя?

– Да! Просто невероятно! Только не говори, что ты не смотрела.

– Я не смогла. Джек явно растерялся.

– Правда, я в самом деле не смогла посмотреть гонки. Электричество вырубилось.

– Пробки проверила?

– Черт побери, Кен, я же тупа, как Барби. Мне это и в голову не пришло.

– Прости. Кейт вздохнула.

– Да ладно, все нормально. Я пробовала проверить предохранители, но Софи помешала.

Это прозвучало так тоскливо...

– Наша дочурка очень сильна для своих лет, – сказал Джек, – но мне кажется, что в открытой схватке ты все-таки могла бы надрать ей задницу.

Кейт рассмеялась.

– Извини, но мне так паршиво, – призналась она.

– Понимаю. Спасибо, что смотришь за Софи. Я соскучился.

Глаза Кейт заволокло слезами.

– Правда?

– О господи, – вздохнул Джек. – Ты что шутишь? Если бы мне пришлось выбирать, улететь завтра домой, к тебе, или гнаться за золотой медалью, я вернулся бы первым рейсом. Понимаешь?

Кейт всхлипнула и вытерла слезы.

– Я не прошу тебя выбирать. Я прошу победить. Она как будто увидела его улыбку.

– Если я и выиграю, то только потому, что боюсь даже представить, что ты со мной сделаешь, если я проиграю.

– Как только выиграешь золото, возвращайся ко мне, домой, ладно? Обещай, что не останешься с нею.

– О господи, – взмолился Джек. – Об этом ты могла бы меня не просить.

– Знаю, – еле слышно вымолвила Кейт. – Прости. Толпа на трибунах в очередной раз взревела.

– Второй заезд начинается, – прокричал Джек, перекрывая шум. – Я тебе перезвоню, хорошо?

– Думаешь, она выиграет?

– Вне всяких сомнений. Первый заезд прокатила так, словно для нее это была воскресная прогулка.

– Джек?

– Что?

– Я люблю тебя. Больше, чем мороженое после тренировки.

– Я тебя тоже люблю, – сказал Джек. – Больше, чем все победы.

Кейт улыбнулась. Тут бы и нажать кнопку, но она сама все испортила.

– Позвони мне, когда закончатся соревнования, ладно? – сказала она.

И тут же выругала себя за навязчивость, за то, что потребовала еще одного звонка. Любовь не нуждается в подтверждении. Но, с другой стороны, любовь не должна быть пассивной, сидеть и пялиться на экран мертвого телевизора, отгоняя от себя соблазн лететь по сверкающей дороге напрямик к славе.

Что бы ни сказал ей теперь Джек, его слова потонули бы в реве толпы, выкрикивающей имя Зои.

Кейт разжала пальцы и уронила мобильник на диванные подушки. Не в том же дело, что она уже не верит, что когда-нибудь отправится на Олимпиаду. Если быть до конца честной с самой собой, она не знает, сумеет ли выиграть гонки на кухонных табуретах и диванах.

Остекленевшими глазами Кейт посмотрела в окно. Сквозь мерцающее марево на заднем дворе она увидела белку, нашедшую какое-то пропитание в пакетике от хлопьев.

«Неужели это и есть моя жизнь?» – подумала Кейт.

Она прижала пальцы к вискам – на этот раз не так сильно – и сосчитала пульс, глядя на секундную стрелку часов, висевших в гостиной. Она уже несколько месяцев не тренировалась, но даже сейчас, даже в состоянии стресса ее сердце выдавало меньше шестидесяти ударов в минуту. Секундная стрелка описала круг, а Кейт сосчитала лишь до пятидесяти двух. Только такие победы она и одерживала теперь – они заключались в осознании того, что она в лучшей форме, нежели само время.

Кейт оторвала взгляд от циферблата и увидела, что Софи старательно копирует мать: пытается прижать ручонки к вискам. Кейт засмеялась, и впервые ей в ответ рассмеялась Софи.

Радость захлестнула Кейт.

– О боже, детка, ты научилась смеяться! – Она взяла Софи на руки и прижала к себе. Софи улыбнулась – нерешительной, еще не настоящей улыбкой. Улыбка сползла к краешкам губ, но тут же засияла снова. – Ах ты, моя умница!

«Скорее бы рассказать Джеку», – подумала Кейт, и эта мысль оказалась такой естественной и простой, что она вдруг почувствовала: все будет хорошо. Какая разница – выиграет Зоя сегодня свое золото, а Джек завтра свое? Она стояла в неприбранной гостиной, прижимала к себе дочь, вдыхала ее теплый, чуть кисловатый запах и не могла поверить, что есть что-то важнее. Кому какое дело до того, что совсем недавно она могла разогнать велосипед на велодроме до сорока миль в час? Теперь это казалось абсурдным. Вот она, настоящая жизнь, в которой прогресс отмечался этими милыми ступенями материнства и рядом с которой так глупо выглядело то, что вообще кому-то зачем-то нужно мчаться на велосипеде по бесконечным овальным трекам, а кому-то – как ни странно – не терпится вручать золотые медали тем, кто сделает это быстрее.

«О господи, – подумала она. – Какой во всем этом смысл?»

Прошла минута. Сердце Кейт пробило сорок девять раз. Она устало улыбнулась.

– Ох, кого я обманываю? – произнесла она вслух. Софи взглянула на мать, и на лице ее возникло странное выражение – нечто среднее между улыбкой и жалостью.

8 лет спустя, понедельник, 2 апреля 2012. Блок заключения 9 уровня Имперской боевой станции, известной в народе под названием «Звезда смерти»

Мятежница – маленькая девочка – оказала сопротивление, и потому ее заперли в темной камере с металлическими стенами, где пахло машинным маслом. Это уж было слишком! От радостного волнения девочка улыбалась и ерзала. Потом прижалась к отцу, и он обвил рукой тонкую шейку, придерживая дочку – именно так применяют силу отцы. Девочка вырывалась, и отец обнял ее покрепче. У родителей ничего не меняется, даже если ты мчишься по просторам Вселенной.

Охраняли эту парочку два имперских штурмовика. Они переглянулись, решили, что узники надежно заперты, и кивнули друг другу. Покинув тюремный блок «Звезды смерти», штурмовики тайком выскользнули через заднюю дверь и оказались под ярким апрельским солнцем на автостоянке.

Они сняли шлемы, тряхнули волосами и купили чай в ларьке на колесах. Обоим «охранникам» было по тридцать два года. Спортсменки в реальной жизни, они заключили договоры со спонсорами и рассказывали прессе о своей частной жизни, а содержание жира у них в организме было ниже четырех процентов. В мировой табели о рангах велосипедного спринта обе занимали первую и вторую строчки.

– Чего я только ради тебя не делаю, – проговорила Зоя. – Какая же там жарница...

Пряди темных волос, промокших от пота, прилипли к ее лбу.

– Я бы сбегала в туалет, – сказала Кейт. – Но как это сделать в таком обмундировании?

– Да уж, – согласилась с ней Зоя. – Его придумала точно не женщина.

– Как вообще всю эту «Звезду смерти», – подхватила Кейт. – Иначе там были бы занавески. Была бы комната матери и ребенка.

Зоя, улыбаясь, подняла вверх два больших пальца.

– Вот-вот! Неужто вы, вояки медноголовые, не можете сообразить, как сочетать материнство с подавлением этого чертового Альянса повстанцев?

Кейт грустно покачала головой:

– При таком нарушении субординации ты навсегда останешься простым штурмовиком.

– Ошибаешься, – возразила Зоя. – Мою целеустремленность, мою страсть непременно заметят. И выдвинут в командный состав их боевой станции.

– Не льсти себе. Они только глянут на твой персональный профиль и тут же сделают тебя дроидом. Очень профессиональным и незамужним.

– Да ну тебя, – засмеялась Зоя. – Свою жизнь на твою я все равно бы не променяла.

Порыв холодного ветра покрыл рябью желто-коричневые лужи на автостоянке около киностудии. К дальнему краю парковки подъехал голубой автобус, забрызганный грязью. В нем сидели очередные обладатели билетов на аттракцион «Звездные войны». Водитель искал место для стоянки. Кейт посмотрела на часы. Еще двадцать минут «Звезда смерти» была в их распоряжении.

– Нам лучше вернуться к Софи, – сказала она. Подруги стали поспешно допивать чай. Зоя взглянула на

Кейт поверх чашки.

– Скажи мне правду, – попросила она. – Софи умирает?

– Нет, – быстро ответила Кейт. – Химиотерапия поможет. Я на сто процентов уверена, что ей станет лучше.

– Честно?

– Раньше получалось. Когда она заболела, химия помогла, началась ремиссия. А сейчас надо просто немного подождать, и химия снова сработает.

Наверное, во взгляде Зои мелькнуло сомнение, потому что Кейт поджала губы и решительно закивала. Зоя видела, как нарастает уверенность ее подруги – все выше и выше поднимался столбик, и вот он уже в красной зоне. Сто пять процентов. Сто десять.

– Ладно, – сказала Зоя. – Ладно. Но ты вправду считаешь, что такие экскурсии ей полезны? Они не утомляют ее?

Кейт улыбнулась:

– Давай об этом буду волноваться я.

– Позволь хотя бы спросить. Ведь я твоя подруга. Улыбка застыла на губах Кейт.

– Неужели ты думаешь, я заставляла бы ее терпеть все это, если бы ей не становилось лучше?

– Конечно, я так не думаю, – коснулась ее руки Зоя. – Но не придумываешь ли ты все эти экскурсии для самоуспокоения? То есть ради уверенности в том, что ты как мать делаешь все от тебя зависящее?

– Ты теперь у нас эксперт по части материнства?

Зоя отпрянула, будто ее ударили. Немалых сил стоило ей сдержаться. Она опустила глаза, скрестила на груди руки. Кейт растерялась, но тут же шагнула к Зое, взяла за руку.

– Черт, прости меня, Зоя. Та отвернулась.

– Нет-нет, ты права. Я забылась. Понимаю, через что тебе пришлось пройти.

Кейт сделала шаг в сторону, чтобы встретиться взглядом с подругой.

- Я тоже знаю, через что ты прошла. Наверное, ты думаешь сейчас об Адаме.
- Да нет, все, - отозвалась Зоя. - Знаешь, что я тебе скажу? Ну у тебя и прическа.

Кейт расхохоталась:

- Что, волосы прилипли под шлемом?
- Не нравится? А у меня сиськи как у штурмовика - вдавило соски. Богом клянусь, эти костюмы такие тесные...

На сердце у Зои стало немного легче, но все же обидно - подруга словно воздвигла забор между ними, отгородилась. Уж лучше бы ей не заговаривать о Софи. Пора научиться держать рот на замке, а она всякий раз забывала.

Зоя заглянула в свою пластиковую чашку. Чай остыл. Холодный, он уже не мог смягчить ее горечь. Можно привыкнуть к одиночеству, к тому, что рядом нет человека, который терпеливо изгонял бы из твоих дней демонов и показывал тебе, что хорошо, а что плохо. Можно привыкнуть к надежде, что спутник жизни когда-то появится, что появится даже ребенок, хотя известно, что дети - как бездонные гулкие колодцы потребностей, в которые изможденные женщины вроде Кейт без конца бросают храбрые маленькие камешки уверенности и с волнением ждут всплеска, а его все нет и нет.

- Нам действительно пора вернуться на «Звезду смерти», - сказала Кейт, прервав раздумья Зои, возвращая ее издалека, с расстояния во многие мили.

- Гм?

Кейт напялила шлем штурмовика, и ее голос тут же изменился под действием модулятора, встроенного в лицевую пластину.

- На «Звезду смерти»? На этот здоровенный круглый гадкий звездолет? Тот самый, у которого был такой многообещающий актерский дебют, а потом он нигде не появлялся после сериала «Звездные войны»?

Зоя сделала большие глаза.

– У-у-у-у... – протянула Кейт. – Как трогательно. Зоя отбросила волосы со лба. Она вдруг почувствовала

раздражение.

– Послушай, – быстро сказала Кейт, – сейчас те самые дни, и я вооружена бластером, так что лучше не начинай, хорошо?

Зоя внимательно посмотрела на подругу, гадая, до какой степени их отношения могут стать прежними. Может быть, Кейт пошутила? Судить трудно: шлемы штурмовиков показывали лишь выражение лица персонажа, запечатленное на лицевой пластине – суровое, непримиримое, скорбное.

Командный модуль «Звезды смерти»

Боевая станция висела в холодном черном космическом вакууме. Софи Аргалл ощущала под ногами громаду металла. Корабль был огромен. Он обладал собственной гравитацией, хотя и не такой сильной, какой наделена Земля. Софи чувствовала, что здесь ей легче прыгать. Стоять в отсеке управления было так же легко и просто, как дома, когда доктор Хьюитт только что сообщил: лейкоциты говорят о наступлении ремиссии.

Софи провела в уме подсчеты. Ей было восемь. «Звезда смерти» младше нее. Насколько младше – этого Софи не знала. «Звезду смерти» защищали десять тысяч турбо-лазерных батарей и семьсот шестьдесят восемь лучевых прожекторов. На звездолете трудилась команда из двухсот шестидесяти пяти тысяч шестисот семидесяти пяти человек. Эти люди обеспечивали движение корабля, они производили уборку, готовили еду и стирали для пятидесяти двух тысяч артиллеристов, шестисот семи тысяч трехсот шестидесяти солдат, двадцати пяти тысяч девятисот восьмидесяти четырех штурмовиков, сорока двух тысяч семисот восьмидесяти двух сотрудников вспомогательного персонала и ста шестидесяти семи тысяч двухсот шестнадцать пилотов и инженеров. Несмотря на все меры предосторожности, обе «Звезды смерти», построенные до этой, были разрушены. Статистически шансы новой пережить бой равнялись нулю, а шансы Софи – пережить острый лимфобластный лейкоз – были выше девяноста процентов. Так что со стороны боевой станции легкомысленно действовать на нее силой притяжения. Статистику Софи знала

наизусть. Она тысячу раз рисовала «Звезду смерти» фломастерами и карандашами, но ничто не подготовило ее к тому, что она будет стоять здесь, в отсеке управления, и видеть звезды за иллюминаторами. Она слушала тихое электронное жужжание – звук работающих систем управления и негромкое шипение кондиционеров.

До космопорта на киностудии они доехали на семейном автомобиле – серебристо-сером «Рено Сценик». Софи, ее родители и Зоя. Дорога заняла три часа и тридцать шесть минут. Софи следила за временем по секундомеру на своем айпаде. Она слушала оригинальный саундтрек к «Звездным войнам» в исполнении Лондонского симфонического оркестра – скрещивала пальцы и целилась из этого оружия в окошко. «Ниссаны» и «форды» были дружественными кораблями мятежников. «Мерседесы» и «БМВ» – вражескими боевыми звездолетами.

От стоянки до киностудии они добрались на транспортере – за сорок девять секунд. Похожий на обычный лифт транспортер на самом деле вовсе не был обычным. Не успели они выйти из кабины, как ее и папу арестовали. Мама и Зоя остались где-то на свободе, внутри «Звезды смерти». Софи до сих пор была потрясена тем, что находится здесь.

Приходилось то и дело поглядывать на себя, дабы убедиться, что все атомы в ее руках и ногах благополучно пережили путешествие на транспортере.

Отсек охраняли двое штурмовиков в белоснежно-белых доспехах. Они проверили, как работают клавиши на всех панелях управления. Они переговаривались скрипучими металлическими голосами. Их лица прятались за темными лицевыми пластинами шлемов, но Софи догадывалась, что охранники нервничают. Прошел слух, что, того и гляди, прибудет на своем личном шаттле Дарт Вейдер. У Софи пересохло во рту, сердечко билось часто-часто. Она крепко сжала руку отца.

Она понимала, что все понарошку, но ведь это не значило, будто ничего не происходит. В те редкие дни, когда она чувствовала себя сносно и могла посещать школу, школа тоже казалась ей не особо реальной. Другие девочки ушли вперед. Они торчали в YouTube и считали Софи дурочкой, потому что она – фанатка таких детских глупостей. Она пыталась приобщиться к тому, чем увлекались сверстницы, но ей вовсе не хотелось осваивать танцевальные па из попсовых клипов. Она хотела стать рыцарем-джедаем.

Лейкоз тоже казался ей нереальным. К тебе подсоединяют трубочки и накачивают тебя химикатами, от которых звенит в ушах, а кожа становится такой прозрачной, что можно заглянуть внутрь себя. Можно трогать пальцами трубочки, можно рассматривать собственные сухожилия. Возможно, ты и не спал при этом, но это было как-то мало похоже на правду.

Через какое-то время ты переставал размышлять о том, что реально, а что нет. Редкие школьные дни продолжались шесть с половиной часов, а потом исчезали. Жизнь может продолжаться до глубокой старости – с вероятностью девяносто процентов, но может закончиться и через несколько месяцев – с вероятностью десять процентов. Пребывание здесь, на «Звезде смерти», длилось столько, сколько должно было длиться. Вот так и надо смотреть на вещи. Отец обнял Софи.

– Тебе ведь не страшно, правда? Ты ведь большая девочка? Софи покачала головой:

– Нет, не страшно.

Она сказала это почти насмешливо, словно вопрос был глупым, хотя вот-вот должен появиться Вейдер, и еще ни разу в жизни ей не было так страшно. Даже страшнее, чем в январе, когда доктор Хьюитт сказал, что лейкоз вернулся. Но важно было не волновать папу: ему тяжелее, чем ей.

– Эй, пленные, прекратить разговорчики! – рявкнул один из штурмовиков и добавил потише: – Может, хотите попить или еще чего-нибудь? Дать вам сока или печенья?

– А лимонад есть?

– А волшебное слово? – проворчал штурмовик.

– Скажите, пожалуйста, лимонад есть?

– Конечно, – ответил штурмовик и вытащил картонную упаковку из голубого изотермического пакета.

– У нас дома тоже такой есть, – сказала Софи.

– Да? – удивился второй штурмовик. – Как, однако, тесна Вселенная.

Первый штурмовик посмотрел на второго, но тут же вернулся взглядом к Софи.

– Пленница! – строго провозгласил он. – Вот-вот прибудет наш повелитель. Когда войдет, ты должна встать по стойке «смирно». Если тебе будет позволено заговорить с ним, должна называть его «лорд Вейдер». Как ты будешь к нему обращаться, повтори?

– Лорд Вейдер, – тихонько произнесла Софи.

– Как-как? – переспросил штурмовик. – Не расслышал.

Он прижал ладонь к шлему – в том месте, где находилось ухо.

– Лорд Вейдер! – крикнула Софи с легкой хрипотцой в голосе. Она устала после долгой поездки на машине.

– Вот так-то лучше, – кивнул штурмовик и что-то шепнул напарнику.

В отсеке стало тихо. Штурмовики вытянулись по стойке «смирно». Из потайных динамиков понеслась мелодия «Имперского марша». Софи судорожно вздохнула. Открылась бронированная дверь. Заклубились облака сухого льда. В дымке появился величественный силуэт Дарта Вейдера. Он вошел в отсек управления. Защелкал и зашипел его респиратор.

Вейдер уставился на Софи и ее отца и медленно кивнул.

– Итак, – сказал он, – пленные мятежники.

Софи почувствовала, как по ногам стекает моча – очень горячая – и льется на полированный металлический пол. Звук ни с чем нельзя было спутать.

Она взглянула на лужицу, и глаза ее наполнились слезами. Как же теперь напугается папа!

– Все хорошо, – пролепетала Софи, глядя на него. – Все хорошо.

Несколько мгновений в отсеке царило безмолвие. Потом зашипел респиратор Вейдера.

– Вы... с вами все в порядке? – осведомился он.

– Похоже, она описалась, – прошептал отец Софи.

– Что? – прохрипел Вейдер.

– О, я совсем забыл о правилах хорошего тона. Она описалась, лорд Вейдер.

Вейдер поднял руки, затянутые в длинные черные перчатки.

– Эй, – проговорил он, – я тут ни при чем. Добрый штурмовик подошел, встал на колени возле Софи и обнял ее.

– Ничего страшного, – прошептал он. – Такое случается.

Софи посмотрела на встревоженное лицо отца и расплакалась. Нестерпимо думать о том, что она его так огорчила. Дарт Вейдер наклонился и похлопал Софи по плечу.

– Что это за трубочка в тебя воткнута? – спросил он.

– Это... это... это... катетер Хи... Хи... Хикмана, – прорыдала Софи.

Отец крепко обнял Софи.

– Так к ней поступают лекарства.

– Ха! – прохрипел Вейдер. – Это у вас называется «катетер»? Видели бы вы меня, когда я снимаю шлем! В меня воткнуто столько трубочек, что я похож на порцию спагетти!

Рыдания Софи смешались со смехом. На краешке ее ноздри надулся зеленый пузырик, растянулся до молекулярной тонкости и снова втянулся внутрь носа – совсем как резонатор у лягушки-квакши.

– Ты очень храбрая юная леди, – объявил Дарт Вейдер. Отплакавшись, Софи ощутила пульсирующую головную боль; у нее засосало под ложечкой и заныло в боку. Хотелось свернуться калачиком.

– Все хорошо, – повторила она отцу. – Все просто здорово.

Он улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ.

Потом, когда Софи привели в порядок, Дарт Вейдер поднял ее и усадил себе на плечи. Они стали смотреть на большие экраны мониторов в отсеке управления. На экранах были видны лежащая вокруг корабля Галактика и мерцающие звезды.

– Хочешь выбрать планету и уничтожить ее? – поинтересовался Дарт Вейдер.

– Зачем? – спросила Софи.

Вейдер пожал плечами:

– Обычно я предлагаю такое моим гостям.

– Обязательно планету? А нельзя ли уничтожить мои плохие кровяные клетки?

Из решетки респиратора Вейдера со вздохом вышел воздух.

Широким жестом он указал на звездное поле.

– На этой карте мне подвластно все, – сказал он. Софи указала на яркую звезду в созвездии Ориона.

– Давайте, как будто эти звезды – мои плохие клетки, и эта тоже плохая.

– Прекрасно, – кивнул Вейдер. – Приступить к обработке лучом смерти.

Софи подняла руку.

– Простите, но если этот луч спасает мне жизнь, его нельзя так называть.

Вейдер указал на большую красную кнопку с надписью «ЛУЧ СМЕРТИ»:

– У нас есть только такой.

– Ой. Ну ладно.

Вейдер присел на корточки, чтобы Софи могла нажать на кнопку. Негромкий гул мало-помалу стал нарастать. Замерцал свет. Глядя на мониторы, все увидели, как восемь зеленых лучей слились в один, устремились в пространство. Луч смерти выжигал ядро кровяной клетки Софи до тех пор, пока она не взорвалась и не рассыпалась дождем ярких искр на фоне черноты космоса.

Бакингемшир, Айвер Хит, киностудия «Пайнвуд», автостоянка

Джек отнес Софи к машине, а Кейт с Зоей остались, чтобы снять костюмы штурмовиков. Софи ужасно устала. Она обвила шею отца руками и прижалась щекой к его груди.

Джек взял Софи поудобнее. Голова ее бессильно моталась из стороны в сторону. Он достал из заднего кармана джинсов ключи от машины, отпер дверцу, усадил дочку в детское кресло, подложил ладонь ей под затылок, чтобы она не разбила голову о дверцу. Он обращался с ней бережно, как терпеливый коп с пьяным преступником. Одна из немногих сохранившихся прядей волос Софи отделилась от кожи. Ветерок подхватил волосы, подбросил к мрачному небу и швырнул в грязь. Джек проводил их взглядом, повернулся к дочери, но ничего не сказал.

Софи сидела, закрыв глаза. Отец стал усаживать ее поудобнее, застегнул ремни безопасности. Софи была неподвижна, словно рептилия, ожидающая, пока ее согреть солнце. На другом краю автостоянки дети, обутые в красные резиновые сапоги, в полосатых шапочках с помпонами, весело смеялись, топали ногами по лужам и брызгали друг в друга мутной дождевой водой.

Трубочка катетера Хикмана лежала именно там, где больше всего мешала ремню безопасности, – поперек ключицы, поэтому под ремень всегда приходилось подкладывать сложенное в несколько раз кухонное полотенце. Джек проверил, не пережало ли полотенце трубочку, поправил ремень, положил руку на колено девочки.

– Ну как тебе Вейдер?

– Он был такой классный, – открыла глаза Софи. – А ты помнишь, что на самом деле он – отец Люка Скайуо-кера?

– Правда? – удивился Джек. Софи кивнула:

– Он ведь говорит ему об этом. Ну, в фильме «Империя наносит ответный удар». В самом конце.

Джек притворился, будто обдумывает информацию.

– Не стоит верить всему, что говорят парни в черных кожаных высоких ботинках.

Оживление покинуло глаза Софи, его место заняло встревоженное и пытливое выражение.

– Что-что?

У Джека противно засосало под ложечкой. Он брякнул глупость.

– Прости, малышка. Забудь об этом.

Джек хотел погладить дочь по щеке, но она отвернулась и строптиво сложила на груди руки. Джеку стало не по себе: к чему подтрунивать? Ведь она об этом

мечтала, она в это верит – не то что другие девочки на их улице: гоняют себе на великах, остаются друг у друга ночевать и смотрят сериалы. Парень, сыгравший роль Дарта Вейдера, очень хорошо справился с ситуацией, сразу сообразив, какой болезнью страдает Софи. Наверное, у самого Джека не получилось бы так здорово. И вообще люди Джеку и Кейт попадались в основном понимающие. Этот малый зарабатывал небось фунтов десять за час, а за день, стало быть, восемьдесят? В тесном черном костюме ему явно было несладко, а между тем он терпеливо выбирал вместе с детишками звезды и планеты для уничтожения.

«Может, стоило дать ему чаевые?» – подумал Джек.

Он сел за руль и проверил, на месте ли в бардачке, рядом с флаконом дезинфицирующего геля, запасной катетер Хик-мана – на случай, если у Софи начнется кровотечение и систему придется сменить.

– Может быть, ты перестанешь пинать спинку моего сиденья?

– Прости, папочка.

Джек подключил зарядное устройство мобильного телефона к прикуривателю. Мало ли что может случиться, вдруг придется вызывать неотложку? Из-под пассажирского сиденья он вытащил атлас автомобильных дорог, взглянул на карту и запомнил дорогу домой, до Манчестера. Потом просмотрел адреса всех больниц, находящихся ближе других к дороге, и попытался вспомнить, в каких из них есть травматологические и реанимационные отделения. Это было нужно на тот случай, если у Софи начнутся судороги, или она потеряет сознание, или ее укусит оса и понадобится профилактический укол адреналина, чтобы ее маленькое тело не поразил шок.

– Пожалуйста, перестань пинать мое сиденье.

– Извини.

Джек, глядя в зеркальце, подмигнул дочке. На самом деле он не имел ничего против. Пожалуй, ему это даже нравилось. Дочь мстила ему, как мстил бы всякий здоровый ребенок.

Краем глаза Джек что-то заметил в зеркальце, повернулся и увидел, как через стоянку шагают Кейт и Зоя, отстававшая от подруги на несколько шагов. Кейт шла медленно, и Зоя могла бы идти рядом, если бы захотела. «Уж не жалеет ли она, – подумал Джек, – что поехала с нами?»

Он перегнулся через сиденье и сунул руку в боковой карман на дверце. Там лежал баллончик с кислородом. Джек проверил, не перегнут ли шланг, не засорился ли он, потом повернул вентиль на четверть оборота и, приложив кислородную маску к уху, удостоверился, что поступает газ. Затем закрыл вентиль и положил на место.

Подняв голову, Джек повернул зеркальце так, чтобы лучше было видно Кейт и Зою, идущих к машине. Обе остановились. Одна что-то сказала другой, потом они обнялись. Джек не отличался наблюдательностью, но некоторые знаки трудно не заметить. Эти две женщины то были готовы расстаться навсегда, то начинали медленно и осторожно сближаться. То же самое происходило, пока они ехали сюда. Их дружба никогда не была гладкой, это была горько-сладкая любовь соперниц друг к другу. Но сегодня все ощущалось как-то уж особенно остро.

Кейт села на заднее сиденье рядом с Софи, прижала ладони к щекам дочери и поцеловала ее в лоб. Софи фыркнула и попыталась отстраниться. На ее месте так повела бы себя любая капризная восьмилетняя девчонка. Джек улыбнулся. Он коллекционировал эти признаки нормальности, мысленно относил их на хранение в банк, зная, что если их скопится побольше, то общий капитал превратит твой депозит в ребенка с ремиссией.

Зоя села рядом с Джеком. Он скосил на нее глаза.

– Все в порядке?

– А что может быть не в порядке? – вопросом на вопрос ответила Зоя.

Джек промолчал.

– Поехали, ради бога, – попросила Кейт.

Джек пожал плечами, снял машину с ручного тормоза и проехал пять ярдов назад: Софи объявила, что ей надо выйти. Джек улыбнулся. Это все из-за рибены. Штурмовики слишком щедро потчевали дочь этим напитком. Джек проехал пять ярдов вперед, снова поставил машину на тормоз и замер, глядя прямо перед собой.

Кейт отстегнула ремень безопасности Софи, помогла ей дойти до края стоянки, где они зашли за фургон. Джек и Зоя проводили их взглядом.

– Ты теперь больше папа, чем человек, – заметила Зоя. Джек не стал отвечать на шутку.

– А ты сегодня очень устала.

– Уж ты знаешь, как сказать девушке что-то приятное, – фыркнула Зоя.

– Перетренировалась?

– Переразмышляла, пожалуй.

– Хорошо, что ты поехала с нами. Для Кейт это очень много значит.

Джек позволил себе взглянуть на Зою.

– Порой от всего этого так тяжело, правда? – сказала она.

Джек крепче сжал руль.

– Как ты это переносишь? – отважился спросить он. Зоя легонько ударила себя в грудь, чуть выше сердца.

– Теперь стало труднее. С болезнью Софи... – пробормотала она.

– Но сама ты в порядке? – спросил Джек. Зоя растерялась.

– В порядке, – произнесла она медленно, словно проверяя эти слова на вкус, будто давно их не произносила, так же как, например, слово «домохозяйка» или, скажем, «Родезия». – В порядке, – повторила она. – Да. То есть... Черт, да с какой стати мне быть не в порядке?

Джек посмотрел назад через стекло. Теперь они сидели молча, пока Кейт натягивала джинсы Софи и вела ее к машине.

– О чем толкуете? – спросила Кейт, открыв дверцу автомобиля.

– О «Тур де Франс», – ответила Зоя.

– Да, я слышала об этом, – кивнула Кейт, усадила Софи в детское кресло и пристегнула ремень безопасности.

Джек смотрел в зеркальце. Он понимал, о чем думает жена. Она думает о том, какой худенькой стала Софи. За три месяца с начала рецидива она потеряла половину веса, набранного за три года ремиссии. Джек закинул руку за подголовник кресла, и Кейт сжала его пальцы. Их прикосновение словно бы создало некую неподвижную точку во времени, к которой, как к якорю, можно было привязать множество ускоряющих свой бег событий.

Как только Кейт защелкнула пряжку ремня безопасности, машина тронулась с места.

– Софи?

– Что?

– Если ты еще раз лягнешь спинку моего кресла, я отведу тебя назад на «Звезду смерти» и отдам на воспитание приверженцам Темной Стороны Силы.

– Прости, папочка.

На выезде со стоянки Джек ехал еле-еле, чтобы Софи не слишком трясло на «лежащих полицейских», то и дело поглядывая на дочку в зеркальце заднего вида. Оказавшись на шоссе, повел машину с очень скромной скоростью, потому

что давно усвоил, что из-за аварии Софи лучше не станет.

Сейчас он размышлял, в какую сторону стоит свернуть, если зеленый «мерседес» тронется с ближайшего перекрестка слишком рано. Этого не случилось, и взгляд Джека перебрался к следующему автомобилю впереди, а потом – к следующему.

– Софи...

– А?

– Ты лягаешься.

– Прости, папочка.

Джеку было тридцать два года, он был золотым олимпийским медалистом и входил в пятерку самых быстрых велосипедистов мира.

– Если я буду ехать слишком быстро, просто скажи, ладно? – попросил он Софи.

На трассе они выбрали полосу медленного движения. Софи знала: это делается ради ее безопасности. Вот так она действовала на людей: они начинали ездить на двадцать процентов медленнее, они на двадцать процентов крепче хватались за ручки кастрюль с кипящим супом, в пять раз тщательнее подбирали слова. Никто не хотел проколоть покрышку и попасть в аварию – ведь это повредило бы ей. Никто не желал произносить такие слова, как «волноваться» и «умирать».

Стоило бы сказать им, что от всего этого становится на двадцать процентов страшнее, но разве могла она так поступить? Взрослые делали все, чтобы справиться со своими чувствами. А ей было не по себе из-за того, что она вызывала у них эти чувства.

Глядя в окошко, Софи видела, как мимо проезжают обычные семьи. Чаще всего это были люди, которые не стояли ни на стороне хороших, как Аргаллы, ни на стороне плохих, как Вейдеры. Ничего особенного в них не было, они просто ехали в зоопарк или по магазинам. Часто, когда автомобиль мчался мимо, Софи

замечала, что члены семьи ссорятся: их губы двигались как-то сердито. Получалось что-то наподобие Музея человеческих семейств, где экспонаты проносятся мимо тебя без ярлычков. Софи начала сочинять ярлычки в уме: «Мама купила плохие хрустики», «Папа мне не разрешает» и «Хлоя, послушай хит-парад».

Когда Софи наскучило смотреть на другие семьи, она стала смотреть в уме «Звездные войны». Она уже столько раз видела эти фильмы, что ей стал не нужен DVD-проигрыватель. Чтобы отвлечься от самой себя, она смотрела, как боевые роботы АТ-АТ атакуют базу мятежников на ледяной планете Хот. Сегодня она чувствовала себя так плохо, что ей стало страшно. Все болело. В висках стучало, перед глазами стоял туман, кости ныли так, как бывает, когда ты мерзнешь, но тебя вывели на долгую прогулку, а дождь все идет и идет. Тошнота накатывала волнами, оставляя после себя ледяной озноб.

Просто невероятно – как Скайуокер водил свой боевой корабль. А все потому, что был джедаем. В крови существовали такие особые клетки – мидихлорианы. Чем их больше, тем лучше контакт с Силой. Из-за них и становились джедаями. Софи знала, что ее кровь меняется. Вот только доктор Хьюитт думал, что это лейкоз, а на самом деле начали образовываться мидихлорианы. Разве можно ждать от земных врачей, что они поставят верный диагноз? Им еще повезет, если они встретятся хотя бы с одним таким случаем за всю свою медицинскую практику.

Правда, иногда, когда она чувствовала себя так плохо, как, например, сегодня, ей казалось, что она никогда не станет джедаем. Даже шестьдесят миль в час были ей не под силу: любые шероховатости на дороге сотрясали тело, и все внутри горело, как огнем. Как же она сможет водить боевой звездолет со скоростью во многие сотни миль в час и лавировать между рядами имперских шагающих роботов?

Во рту у Софи пересохло. Она облизнула губы.

– Если хочешь ехать быстрее – я не против, – сказала она отцу.

Тот покачал головой:

– И так хорошо.

Софи устремила взгляд на жилистые руки отца, сжимавшие руль, потом посмотрела на свои руки. Сжала кулаки, чтобы напряглись мышцы.

– Все в порядке? – спросила мама. – Что ты делаешь?

– Ничего.

Вены на руках Софи были темно-синими, тоненькими. Они никуда не вели. Казалось, кто-то взял шариковую ручку и нарисовал на теле Софи схему проводков внутри бесполезного дроида, а потом на эту схему натянули человеческую кожу. Папины вены дыбились под кожей, будто кабели. Это были правильные, нужные трубопроводы, они качали кровь назад, к сердцу. Папа, наверное, самый сильный человек на свете. Как он может смотреть на нее, такую хрупкую, некрасивую, и как ему при этом не страшно? Она должна попытаться выглядеть сильной и храброй.

– Будет здорово, если ты начнешь немножко лавировать, – сказала Софи. – Я не против.

Отец посмотрел на нее в зеркальце.

– Зачем, скажи, пожалуйста.

– За нами гонится ДИ-истребитель.

Зоя, сидевшая впереди, рядом с отцом, сказала совершенно серьезно:

– Точно. Включи силовое защитное поле на полную мощность, Софи.

Девочка улыбнулась и нажала кнопку на детском кресле в ответ на приказ Зои.

– Огонь из турболазеров! – распорядилась та, и Софи открыла огонь.

– Держи их под прицелом!

Здорово у Зои все получается. Как только ДИ-истребитель был уничтожен, Софи откинулась на спинку кресла.

– Спасибо. Теперь мы свободны.

Зоя повернулась. В глазах у нее стояли слезы. В чем дело? – удивилась Софи. Ведь она ни на что не жаловалась, изо всех сил старалась не казаться больной. Когда ее начинали жалеть, она всегда сердилась, потому что ей становилось грустно.

– Все хорошо, – старательно улыбнулась она Зое. – Я себя чувствую просто прекрасно!

Манчестер, Динсгейт, 301, Битхэм-Тауэр

Зоя вышла из машины. Автомобиль отъехал, она помахала Аргаллам рукой и проводила взглядом бледное, как молодой месяц, лицо Софи, глядящей на нее через заднее стекло. Глаза девочки просто приковывали к себе взгляд Зои. Точно так же было и с ее братом Адамом, и оттого, что в этом взгляде не было упрека, Зое становилось только хуже.

Она вдруг обнаружила, что ее знобит. Предыдущую ночь она почти не спала, потом ее доконала «Звезда смерти», но тяжелее всего была обратная поездка на машине. Казалось, вот-вот Софи умрет. Кейт это упорно отрицала, а Джек?.. Зоя так и не поняла, о чем думает Джек.

Один день, проведенный с этой семьей, показался ей целой жизнью. Как же они справляются? Безумное море эмоций, но при этом в каждый конкретный момент плакать вроде бы не о чем. Невозможно!

Сейчас она поднимется к себе и выпьет кофе. Это будет благоразумно. Она легко могла представить себе женщину, намного лучше владевшую своими чувствами. Такая женщина сказала бы себе сейчас: «Так. Пойду-ка выпью чашечку эспresso». Это было самое лучшее, на что она могла сегодня надеяться: заняться делами, которыми занимаются нормальные люди, уповать на то, что по какому-то волшебству привычное для этих людей ощущение благополучия переключается к ней.

Шел легкий апрельский дождик. Тротуар перед подъездом Битхэм-Тауэр был перегорожен высокими пластиковыми оранжевыми конусами и перетянут красно-белыми лентами. Желтый подъемный кран поднимал в небо оливковые деревья – одно за другим. Оставалось поднять еще с десятков. Стоит посмотреть! Высота – футов в восемь, стволы обтянуты пузырьковой пленкой, корни спрятаны в оранжевых мешках. В порывах ветра, завивавшегося у подножия высоченной башни, ветви раскачивались, листья вертелись и вспыхивали, поворачиваясь тыльной стороной, – разом, одновременно, словно повинаясь невидимому и неслышному сигналу, как стайки серебристых рыбок.

Зоя, прищурившись, стала смотреть, как дерево поворачивается на тросе, отражаясь в окнах башни и поднимаясь все выше в сланцево-серое небо. Кран работал возле дома уже два дня. Деревья переправляли в пентхаус – на этаж выше ее квартиры. Управляющая компания решила создать «зеленое пространство» – с птицами, растениями и небольшими водоемами. Должно было получиться красиво – нечто вроде подарка с земли.

Хотелось стоять и смотреть, как поднимают оливы, но долго торчать на улице было нельзя: ее могли узнать. Как раз напротив башни, на другой стороне улицы, возвышался высоченный столб с рекламным щитом, на котором красовалось лицо Зои высотой в двадцать футов. Зеленые глаза, зеленые волосы, зеленая губная помада. В руке – на ногтях такой же зеленый лак – она держала запотевшую бутылку «Перье». «Подать холодной», – гласил текст рекламы. Правую треть щита занимали олимпийские кольца, подернутые корочкой льда.

Зоя запрокинула голову и взглянула вверх, где в дымке облаков исчезал оранжевый мешок с очередным деревом. Цветовое пятно на миг задержалось, а потом растворилось на сером фоне. Зоя вдруг ощутила панический страх. Откуда он и почему она не может с ним совладать?

Она постаралась поскорее уйти с улицы, пока ее не узнали, и вошла в подъезд, опустив голову. Пospешно прошагав по мраморным плиткам, дождалась кабины лифта и поднялась в свою квартиру на сорок шестом этаже.

Шум города остался внизу, от него теперь ее отделяли пятьсот футов. Зоя вошла в квартиру и положила единственный плоский ключ на большое латунное блюдо, служившее исключительно для этой цели. Ключ звякнул, нарушив тишину.

Рядом с блюдом на черной блестящей тумбе стояла старая-престарая, выдавшая виды алюминиевая бутылочка для воды. Зоя сняла кроссовки, скатала два комка из газеты и засунула их внутрь промокшей обуви, надела серые фетровые шлепанцы.

Она попробовала вспомнить имя того, кого оставила спящим в своей постели. Он был довольно мил: высокий, похожий на итальянца, на несколько лет моложе нее. Карло – точно, Карло. Ну, или Марко. В любом случае, имя заканчивалось на «о». А улыбка такая, что сразу ясно – ничего серьезного не получится. Хотя надежда умирает последней.

– Привет? – на всякий случай сказала Зоя.

Никто ей не ответил.

Она не обнаружила записки ни на дверце холодильника, ни на кухонной стойке. Обошла комнаты – никого.

Постель в спальне пребывала в полнейшем разгроме. Зоя помнила, как они творили этот разгром. Трусы-боксеры валялись в углу – это она их туда закинула. Остальная одежда ее гостя исчезла. Она не увидела на полке и четырех золотых медалей. Сердце у нее екнуло. Но через секунду она заметила блеск металла из-под края подушки, подошла и взяла эти четыре медали в руки. Прижала холодный металл к груди и вздохнула. «Паршивец, – подумала она, – номера телефона не оставил, но хотя бы не вор. Наверное, мне опять повезло – если такое можно назвать везением».

В квартире было душно и, казалось, еще витал его запах.

Она приготовила себе чашку эспresso, прошла в гостиную, села на темно-серую софу с невысокой спинкой. Тучи закрывали небо в высоких, от пола до потолка, окнах.

Зоя переехала сюда всего неделю назад. За эту неделю выдалось только два погожих дня, и тогда она рассмотрела Национальный центр велосипедного спорта, где тренировалась и выступала на соревнованиях. Центр находился в трех милях к востоку от ее нового жилища. Он походил на черную покатую спинку жука и, казалось, мог уползти куда-то вдоль нижних этажей

промышленных зон и складских комплексов, окружавших город. Глядя на горизонт в бинокль, оставленный ей риелтором, Зоя видела горы на севере Уэльса, англиканский собор в Ливерпуле и башню в Блэкпуле. В третью ночь она наблюдала за грозой и молниями и видела, как ветер проносится над чеширскими равнинами.

Сейчас смотреть было не на что. Все серое – куда ни кинь взгляд. Трудно представить себя кем-то еще, а не призраком. Зоя поднесла руку к лицу – нет, сквозь ладонь ничего не видно, значит, она не призрак. Она встала, прошла к кухонной зоне и съела сухой кусок хлеба. Жевать этот хлеб из множества зерен было приятно. Зоя запила хлеб стаканом воды, вернулась в жилую зону и снова села на софу.

«Неужели такой и будет моя жизнь? – гадала она. – Так и буду передвигаться одна-одинешенька между этими заранее кем-то размеченными зонами? Так и буду обитать в них в соответствии с замыслом архитектора и дизайнера?»

Паоло – вот как его звали. Зоя открыла планшетник, включила и нашла Паоло в Фейсбуке. Он оказался еще симпатичнее, чем ей запомнился. Да, она приятно провела с ним ночь. Секс был хорош сам по себе. Но было и нечто большее – нежность, и это ее растрогало. Странно, что он не оставил записки.

Зоя закрыла глаза и позволила себе поверить, что прямо сейчас Паоло поднимается в лифте с букетом цветов. Она улыбнулась. Глупо, но приходится верить, что такое возможно. Чуть дальше того, что ты видишь, жизнь течет так, что какие-то ее мгновения тебе еще не открылись. Не стоило чересчур поддаваться разочарованию. От счастья тебя всегда отделяют стук в дверь и дюжина свежих, только что срезанных цветов.

Зоя открыла глаза и просмотрела профиль Паоло. Улыбка ее погасла. Она прочла, что он написал о ней в Фейсбуке. Увидела снимок, сделанный в ее квартире. Она, почти обнаженная, ее золотые медали – у него на груди. Потом перечитала то, что он написал: «бешеная», «агрессивная», «ей обязательно нужно находиться сверху».

Зоя позвонила своему агенту.

– Похоже, мне может понадобится адвокат, – произнесла она осторожно.

Потом положила телефон рядом с собой, откинулась на спинку софы и обвела взглядом квартиру. Тридцатипроцентный депозит она внесла благодаря спонсорству «Перье». Пришлось также взять кредит в миллион фунтов, но выплатить его она сможет, только если победит через четыре месяца на Олимпиаде и заключит новую сделку со спонсорами.

Все эти долги и обязательства помогали ей преодолевать болевой порог на тренировках. Приходилось постоянно поддерживать себя в состоянии отчаяния. Тогда она становилась такой же дикой и неуправляемой, как в те времена, когда у нее не было ничего. Всякий раз приходилось удваивать ставку или смотреть, как кто-то, напуганный еще сильнее, обгоняет тебя на треке.

Удивительно, но квартира, которую она купила, чтобы держать себя в страхе, старалась ее расслабить и успокоить. Стены были покрашены краской Farrow & Ball, называемой «архивной». Они не отражали, но и не поглощали свет. Высокие окна были снабжены особыми стеклами – с реакцией на уровень наружной освещенности. Так что глазам не приходилось напрягаться.

На низком журнальном столике из железного дерева лежал свежий номер «Мари Клер» с улыбающимся лицом Зои на обложке. Она полистала журнал и узнала о себе, что была «свирепой-решительной», и еще – «безжалостной и неукротимой», и еще – «одержима бесами». Вот как о ней писали.

А она себя такой не представляла и не чувствовала. Зоя закрыла глаза и попыталась медленным ровным дыханием унять панический страх, поселившийся где-то там, под ложечкой. Она не слышала ни шума машин, ни звука соседского телевизора – ничего. На такой высоте от поверхности мира, убеждал риелтор, жильцу обеспечено полное уединение. На такой высоте над городом тишина казалась невыносимой.

«О чем я только думала? – спросила себя Зоя. – Возможно, стоило оставить свои проблемы на земле, сорока шестью этажами ниже?»

Она попыталась сосредоточиться на ритме дыхания. Хорошо бы рядом вдруг оказался Том. Он непременно подсказал бы ей, как перебороть то, что она сейчас чувствует. Ей было девятнадцать, когда они познакомились, и в самые трудные времена она доверяла ему. Но беда в том, что теперь стали трудными не только дни соревнований. Участвовать в Олимпийских играх совсем не

страшно. Выйти на трек под оглушительный рев толпы в Лондоне – это же так просто, так естественно и хорошо. Теперь Зою пугали самые обычные дни – бесконечное утро вторников и вечер среды настоящей жизни, когда нужно мчаться по жизни, не держась за руль велосипеда. Без него Зоя чувствовала себя как курильщик без сигарет – не знала, куда девать руки. Как только она слезала с велосипеда, ее сердцу приходилось переключаться на выполнение всех этих второстепенных функций: любить кого-то, что-то чувствовать, чему-то принадлежать. При том что Зоя всю жизнь училась одному и тому же – качать кровь.

Она поежилась, взяла мобильник и стала набирать номер Тома. Набрала и растерялась. Она знала: Том попросит четко сформулировать проблему. Что же ему сказать? Может быть, начать разговор с диеты или с режима тренировок, а потом пусть обо всем догадывается сам. Теперь она частенько так поступала, когда звонила тренеру. В конце концов, она чемпионка, и было бы унижительно просто сказать: «Пожалуйста, помощи. Я не справляюсь».

Зоя потерянно смотрела на серую пелену, окутавшую город. Мимо одного из ее окон медленно, плавно вращаясь вокруг оси, поднималась итальянская олива.

Восточный Манчестер, Клейтон, Баррингтон-стрит

Джек повернул на улицу, где стоял их дом, и сбавил скорость почти до шага, объезжая ямки и выбоины. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида, дабы убедиться, что Софи не слишком трясет. Дождь перестал. Шестеро подростков лениво катили на велосипедах по длинной прямой ленте дороги, обрамленной с обеих сторон одинаковыми викторианскими домами из красного кирпича. Каждый из домов отделяла от тротуара единственная ступенька и невысокий парапет. Дети остановились, выдувая пузыри из жвачки, стали смотреть на машину Аргаллов, подъезжавшую к дому.

Джек открыл дверцу, вышел и остановился под последними каплями дождя. Нахмурившись, спросил:

– Ребята, вы хоть когда-нибудь сидите дома?

Самой рослой в компании была девочка восьми лет в розовых леггинсах, белых кроссовках и зеленой ветровке с капюшоном. Она немного выехала вперед, сжала ручные тормоза и склонила голову к плечу. Потом наморщила нос и посмотрела на Джека как на чокнутого.

– Так по телику смотреть нечего, одна шигня, – сказала она, отчаянно шепелявя.

Джек непонимающе сдвинул брови.

– Что такое? – нахмурилась девочка. – Я сказала «шигня». Что, такого слова нету в долбаной Лапландии или откуда вы там родом, мистер Аргалл?

Она наклонилась и смачно сплюнула на асфальт. Длинная струя слюны свисала с ее губ, и девочка втянула ее обратно, как макаронину, через прореху между передними зубами. Она смотрела на Джека весело и дружелюбно.

– Родом я из Шотландии, – сказал Джек. – Ее тоже иногда показывают по телевизору. Волынки – вспомнили? Килты, героин.

– Подумаешь, – прошепелявила девочка. – А как ваша Софи? Здорова?

– Спроси сама, Руби. Софи умеет разговаривать.

Кейт вышла из машины, открыла дверцу и принялась отстегивать ремни безопасности на кресле Софи. Девочка, отталкиваясь от асфальта, подъехала к ней.

– Мама оставила вам пирог, миссис Аргалл. На ступеньке.

Кейт посмотрела, увидела на ступеньке перед входом пластиковый контейнер «Таппервер» и металлическую форму для кекса.

– Целых два пирога, – сказала она. – Как мило.

– Не-а, форма – это от мамы Келли. Там кексы, только я бы на вашем месте не стала их есть, потому что мама у Келли грязнуля.

– Руби, детка, нехорошо так говорить.

Джек посмотрел на жену поверх головы Руби, призывая взглядом остановиться. Кейт постаралась не рассмеяться.

– Давай-ка выбираться, Софи, – сказала она, бережно вынимая дочь из машины и придерживая ее голову.

Софи через плечо Кейт посмотрела на Руби, часто моргая, – дождик еще моросил.

– Ты как, Соф? – спросила Руби.

– Классно, – ответила Софи. – Мы взаправду были на «Звезде смерти» и взаправду видели Дарта Вейдера, и это взаправду был он, иначе как бы я могла об этом вспоминать?

Руби вытаращила глаза.

– Ты в школу когда придешь?

– Не знаю.

– Ты ж два месяца пропустила, – заметила Руби. – Пропустишь еще – и придется тебе ходить на эту противную математику вместе с Барни, и тогда он тебе покажет свою пипиську.

Софи равнодушно пожала плечами:

– Я уже видела.

Руби улыбнулась, потянулась к Софи, взяла ее за руку. На секунду она встретилась с ней взглядом, а Софи наклонила к ней голову. Она словно хотела передать Софи свою силу – через рукопожатие, через взгляд. А потом отпустила ее руку, выдула пузырь из жевательной резинки, заработала педалями и укатила к ребятам, выписывающим круги на своих великах.

Кейт внесла Софи в дом. В доме пахло поджаренным хлебом и велосипедной смазкой. На крюках в прихожей висели дорожные велосипеды Кейт и Джека. Кейт поставила Софи на пол, и она, пробираясь через лабиринт туфель, непарных перчаток и курток, валявшихся на полу, направилась к туалету под лестницей.

Влетев в туалет, Софи без сил опустилась в темноте на пол. Она прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Полминуты разговора с Руби измотали ее. Тем не менее это было правильно: мама все видела, и папа – тоже. И папа тоже видел. Значит, целый час они не будут волноваться. Но пройдет час – и (Софи это знала точно) на их лицах снова возникнут морщинки, голоса зазвучат встревоженно, резко, и Софи заметит, что они то и дело искоса бросают на нее взгляды, делая вид, что не смотрят. Они начнут спорить друг с другом про всякую ерунду вроде тренировок и продолговатого риса, а сами даже не будут понимать, зачем спорят. А она поймет. Это значит, что они снова жутко боятся за нее, и ей придется сделать опять что-нибудь такое, что заставит их забыть о своей тревоге еще на час.

Когда ты в машине, можно пинать спинку сиденья. Тогда родители сердятся, а не боятся. Когда ты в доме... О, там есть из чего выбирать. Можно огрызаться или грубить, и ты будешь казаться не такой больной. Можно рисовать. Можно взбежать вверх по лестнице, погромче топая ногами, чтобы привлечь внимание, даже если потом придется отлеживаться в кровати минут десять. Можно притвориться, будто ты съела тост целиком, а не засунула под футболку, а потом смыла в унитаз. Можно играть в мальчишеские игры вроде «Звездных войн», в которых есть битвы и космические корабли, и тогда ты будешь выглядеть круто, хотя у тебя нет сил даже ездить на велике.

Ночами труднее. По ночам снятся страшные сны, и, когда к тебе вбегают мама или папа, надо сказать, что приснился волк или грабитель – что-то такое, что снится обычным, здоровым детям, – а не смерть, которая пугает так, что даже голос отнимается и не можешь позвать родителей. Когда снилась смерть, нужно было просто лежать тихо. А в другие ночи можно притвориться, будто ты спишь, когда мама заходит посмотреть на тебя в десять часов вечера, и в час ночи, и в четыре утра. Если завести будильник на айпаде на пять минут раньше маминого, можно сделать вид, что крепко спишь, хотя на самом деле ты полночи читала комиксы «Звездные войны».

Есть сотни способов, чтобы заставить маму с папой не волноваться. Можно самой смазать кремом туфли, почистить зубы и красиво одеться – даже когда ты такая усталая, что хочется только лечь и закрыть глаза. Еще можно говорить о будущем. Папа с мамой любят толковать о будущем, лишь бы оно было недалеко. Если ты говоришь: «Можно, я завтра пойду с вами по магазинам?» – они ужасно радуются, потому что это значит, что у тебя хорошее настроение. Доктор Хьюитт называл это «позитивным настроением», и это был знак, что ты не страдаешь от того, чего все так боятся, – от «нежелания жить». Так что если ты говоришь: «Можно завтра с вами пойти за покупками?» – родители отвечают: «Конечно, отлично!» Но если спросишь: «А можно на следующий год на недельку съездить во Францию?» – глаза родителей становятся грустными, растерянными, они переглядываются и говорят что-нибудь вроде: «Давай не будем строить таких далеких планов, ладно?»

Если ты хочешь, чтобы они не волновались, есть еще сотня вещей, которые делать не стоит. Не стоит кашлять, нельзя позволять себе, чтобы тебя тошнило, и ни за что нельзя говорить, что ты устала и что тебе грустно. Если тебя действительно подташнивает, можно придумать, как это скрыть, а когда бывает по-настоящему грустно, можно эту грусть спрятать.

Словом, можно без труда сочинять что-нибудь для каждого часа. Беда лишь в том, что от этих выдумок устаешь, а вот этого показывать нельзя ни в коем случае. Вот почему порой приходится отдыхать так, как сейчас, – в темноте, в туалете.

Отдохнув, Софи подняла руку, нащупала шнурок, потянула за него и включила свет. Деревянная рукоятка давно уже отвалилась и потерялась, и вместо нее мама привязала одну из своих золотых медалей, выигранных на чемпионате стран Содружества. Медаль раскачивалась и поблескивала при свете голый, без плафона, лампочки.

Из кухни донеслась музыка. Софи улыбнулась. У папы, значит, хорошее настроение.

Через дверь туалета было слышно, что отец подпевает песне, как любой отец на свете. Софи любила мгновения, когда мама и папа были счастливы, хотя папина любимая музыка казалась ей полной фигней. Вообще же, если хорошенько сосредоточиться и аккуратно укладывать эти мгновения в память, их можно потом собирать, как старинные медные монеты или драгоценные камни.

Софи ухватилась за край раковины, подтянулась, села на унитаз и помочилась. Моча сегодня была лимонно-желтого цвета. Она порадовалась тому, что мама и папа этого не увидели, потому что они, конечно бы, испугались. Она спустила воду и старательно вымыла руки в маленькой раковине «пирожком», получившимся из двух обмылков. Потом вытерла руки о джинсы. Через дверь она слышала, как родители смеются в коридоре. Мама сказала папе, чтобы он перестал петь.

Софи забралась на унитаз – взглянуть в зеркало, висевшее над раковиной. Каждый день приходилось смотреть, как она выглядит. Она делала это здесь, где ее никто не мог видеть. Софи сняла бейсболку с логотипом «Звездных войн» и внимательно осмотрела голову. Осталась одна-единственная прядь волос, свисавшая на лоб слева. В зеркале отражались темные круги под глазами, но в этом, наверное, был виноват резкий свет лампочки. Похоже, лицо еще больше осунулось. Софи поднесла пальцы к щекам, провела по скулам и почувствовала, какие они острые. На миг она испугалась, но тут же поняла, что это не связано с лейкозом. Просто на нее так повлияла микрогравитация «Звезды смерти». Это она вытягивает из тебя силу. Наверное, именно так выглядели штурмовики – если снять с них шлемы.

Софи надела бейсболку и еще раз придирчиво посмотрела на свое отражение. Она потерла пальцами щеки, чтобы они разругались хоть немного. Потом продумала все, что сделает дальше. Войдет в кухню, скажет папе, какая паршивая у него музыка, а затем поднимется наверх, в свою комнату, и ляжет в кровать. Нет, не так: «У тебя музыка – шигня», – скажет она, нарочно шепелявя, как Руби. Папа улыбнется, встанет на колени и подерется с ней понарошку, а мама будет смеяться, глядя на них. А значит, наступит еще один час, на протяжении которого мама не будет волноваться.

«Шигня», – повторила Софи, копируя Руби.

Манчестер, Спорт-сити, набережная, квартира 12, ванная комната

Том Восс до сих пор помнил, каково ему было в Мехико в шестьдесят восьмом, когда для олимпийской бронзы не хватило одной десятой секунды. Ту горечь обиды он ощущал даже теперь. Она жила у него в груди – жаркая, неотомщенная. Сорок четыре года спустя он продолжал остро чувствовать

каждую десятую долю каждой секунды. Единицы времени, как зубья пилы, рассекали его. Другие люди так время не воспринимали. Зубцы пилы сливались для них в неразличимом тумане, а потом, в один прекрасный день, люди вдруг в изумлении просыпались, ощущая, что распилены пополам, словно ассистенты небрежного иллюзиониста. А Том знал, как происходит это распиливание.

Звонок от агента Зои пришелся на то время, когда Том отмокал в ванне, пытаясь заставить сгибаться колени.

– Она опять переспала черт знает с кем, – сообщила агент. – В Фейсбуке об этом трещат направо.

– В Фейсбуке? – переспросил Том.

– Это в Интернете, Томас. Социальная сеть. Люди пользуются такими сетями, чтобы обмениваться информацией с друзьями. Друг – это тот, кто...

– Ха, – хмыкнул Том. – Знаю я, что такое Фейсбук. У Зои там куча поклонников, да?

– Девяносто тысяч. Столько было, когда я туда заглянула в последний раз.

Прижав мобильник к уху плечом, Том массировал колени. Воспаленные связки уже не реагировали на втирания мази. Вообще-то Том прекрасно знал, что связки могли бы реагировать лучше при одном условии: если бы несколько десятков лет он применял законы суровой тренерской дисциплины в своей собственной жизни. Настала пора признаться, что у шестидесятилетнего мужика с пивным животом суставы уже не те. Но, черт, на свете полно налоговиков, укрывающихся от уплаты налогов, врачей, курящих самые крепкие «Мальборо». С какой стати ему становиться первым в мире стариком, который прислушивается к себе? В конце концов, он спортивный тренер, а не какой-то там треклятый первооткрыватель.

– Ну так вот, – продолжала агент. – Она переспала с этим малым, а он, как видно, проснулся и понял, с кем провел ночь. И он, значит, выходит в Интернет и выкладывает фотки, где только может. И не только фотки. Прямо сейчас о пикантных подробностях читают все жители земли – кроме, разве, китайцев, поскольку у них Фейсбук заблокирован, и кроме тебя, потому что ты – старый

реакционер и тебя такая веселуха не интересует. Хочешь, прочту тебе эту грязь, которую он запустил?

– Не особенно.

– А я все-таки прочту, – упорствовала дама. Пришлось выслушать. Но что делать с такой информацией, Том не имел понятия.

– Я Зоин тренер на треке, – наконец вымолвил он. – А кого она укладывает в койку – это, черт возьми, ее личное дело.

– Согласна, – сказала агент. – Я сообщаю тебе это лишь для того, чтобы ты был в курсе, а еще я хотела предложить...

«При чем тут „в курсе“? – разозлился Том. – Почему нельзя просто сказать: „Том, я хотела с тобой поделиться-ся...?“»

– Все нормально? – осведомилась его собеседница, услышав рычание Тома в трубке.

– Это, знаешь, серьезный философский вопрос.

– Просто... ты вроде что-то сказал.

– Угу. Я зарычал. Так рычат звери в Австралии, и, похоже, мой рык подействовал, потому что ты перестала трещать.

– Послушай, я ведь просто пытаюсь помочь, верно?

– Ты, милочка, просто пытаешься уберечь свои пятнадцать процентов.

– Зоя – лицо «Перье», Том. Есть что оберегать.

– Послушай. Если газировке нужно лицо, это ее проблемы. Моя работа – помочь Зое выиграть золото в спринте на Олимпиаде, до которой осталось сто двадцать семь дней.

– Верно. И я пытаюсь сказать, что мы с тобой на одной стороне. Разве это поможет ей сосредоточиться на тренировках – то, что ей перебивают кости в Фейсбуке?

– Спорить не стану, но чего ты от меня хочешь? Чтобы я закрыл Фейсбук? Я, конечно, могу посоветоваться с моим брокером, но почти уверен, что он мне не принадлежит.

– Можешь ты поговорить с Зоей? Она тебя уважает. Том улыбнулся, его голос смягчился.

– Лестью, милочка, можно добиться многого, но обманываться не стоит. Зою я пытаюсь держать в узде с ее девятнадцати лет. Будь моя воля, я бы держал ее в анабиозе все время, пока она не тренируется и не соревнуется. Я бы в нее стрелял из духовушки иглами со снотворным – так усыпляют тигров. Но что я могу поделать? Я тренер. У тренеров все оружие – свисток да секундомер.

– Я надеюсь, что-то сделать тебе все-таки удастся, – сочувственно пробормотала его собеседница, – потому что завтра все это переключит в газеты, а дальше начнет раскручиваться по спирали. Уговори ее хотя бы не подливать масла в огонь.

– Ладно, попробую, – вздохнул Том. – Поглядим, что получится. Пока больше ничего обещать не могу.

– Спасибо, Том. За мной должок.

– Ну... Может, сделаешь меня лицом чего-нибудь? Агент расхохоталась. В телефоне раздалось что-то похоже на гоготание гусыни, сунувшей голову в полупустую консервную банку с сиропом.

– А скажи, лицом чего бы тебе хотелось стать? – отхохотавшись, спросила она.

– Ну-у-у, я не знаю, – протянул Том. – Может, нурофена? Глотаю тоннами.

– Думаю, они бы предпочли кого-нибудь помоложе и не страдающего болями.

– Смейся?

– Ага, но уж таков шоу-бизнес.

Том отключился, минуту подумал, а потом отправил Зое эсэмэску – попросил ее прийти к нему через час. Если уж предстояло говорить с ней с позиции начальника, то лучше проделать это в его логове. Правило номер один в укрощении тигров: зверь должен знать, что он – на твоей территории.

Зоя ответила сразу же:

«О'кей, босс».

Умница. Поняла, в чем дело. Она приедет, он ее пропесочит, потом они выпьют по чашке чая, и он ее выпроводит.

Ему стало тревожно за Зою. Он так старался вести себя с ней правильно. Отец из него получился никудышный, но порой казалось, что Зоя и Кейт – его второй шанс. Он заботился о них, пожалуй, больше, чем должен был за свою зарплату, – ведь они тренировались у него с девятнадцати лет.

Том позволил себе помечтать о том, что бы он сделал с тем мерзавцем, который размазал Зою по всему Интернету. Мстительные фантазии Тому всегда удавались. Если бы не болели и лучше гнулись колени, уж он бы наkostenял этому гаду по полной. Вот оно – приятное преимущество иллюзий над реальностью.

Он волновался за Зою. Она была скрытная, непонятная, но, может быть, именно потому так ему нравилась. Насколько он знал, она действительно влюблялась в этих красавчиков-неудачников и почему-то им верила. Он часто пытался говорить с ней об этом, но она неизменно отшучивалась. Похоже, являться на утреннюю тренировку с сердцем, разбитым вдребезги, стало для нее неким привычным злом – все равно что потерять сережку или не найти свободного места в автобусе. Иногда она огрызалась. Порой доходило до сарказма. И, конечно, Зоя была права: в конце концов, что он мог знать о молодой женщине, ищущей любви? Но если бы Тому пришлось дать всему этому четкое определение, он сказал бы, что Зоя скорее ранима, нежели безжалостна.

Он добавил в ванну горячей воды. Беда в том, что он видел в мужчинах такое, чего не видела Зоя. Он знал, какими подонками могут быть мужики.

– За исключением присутствующих, – добавил он вслух.

Над поверхностью воды поднялся пар. Он не мог винить Зою за ее отчаяние. С каждым днем Зоины шансы найти любовь падали. О ней все больше сплетничали, а мужики ей попадались все хуже и хуже. Планета кишела юными никчемными красавчиками, выставлявшими себя напоказ, но, если уж говорить совсем по-мужски, Том с такими даже выпивать бы не стал. Зародился какой-то новый вид: сочетание стильных туфель с разбойничьими бородами. Играли в рок-группах, но при этом работали в офисах. Ненавидели богатеньких, но скупали лотерейные билеты. Ржали над комедиями, в которых высмеивалась жизнь, скопированная с их собственной, и были ужасными сплетниками – вот что хуже всего. Обо всем, что с ними случалось – от покупки мобильного до ночи любви с его подопечной, – немедленно сообщали в онлайн, любопытствуя, что об этом скажут другие? Их жизнь представляла собой пустоту, вакуум, втягивающий в себя чужое внимание. Как Зоя могла найти любовь среди этой новой породы мужчин с неверными душами, похожими на пылесосы Dyson? Невозможно себе представить: они втягивали в себя все, что попало, им даже приходилось менять мешки.

Том негромко выругался и постарался отбросить эту мысль. Телефонная дама права: он стал стариком. А еще, пожалуй, слишком много думал о Зое.

У него не должно быть любимчиков, да их и не было. Кейт от природы как гонщица одареннее, а Зоя отличалась невероятным упорством, и Том любил их обоих одинаково.

Он взглянул на часы. До прихода Зои осталось сорок минут. Часы фирмы Casio с защитой от брызг умели делать только одно: исправно показывать треклятое время. Вот и еще одно различие между ним и современными мужиками. Все они носили часы, как у Джеймса Бонда, с отдельными циферблатами-хронометрами. С такими часами можно

погружаться на километровую глубину. Вот интересно, как они себе представляли, эти пижоны, что с ними может произойти, черт бы их всех побрал? Выбросят их из окна небоскреба, где они трудятся, и погрузят на дно

Марианской впадины, откуда они выплывут благодаря одной только способности их часов отмерять события с точностью до доли секунды? Часы – да, отмеряют великолепно, но сами эти ребята не почувствовали бы той десятой доли секунды, если бы она пролетела мимо и лишила их олимпийской медали. Они представления не имеют о том, что можно приобрести и потерять за десятую долю секунды. Эта новая порода мужчин тратила время даром, если они могли провести с женщиной целую ночь, а потом всю эту ночь загрузить в Сеть меньше чем за минуту.

Том вздохнул – он, конечно, несправедлив. С Зоей явно что-то не так, и это нечто большее, нежели ее последний мерзавец. За пределами трека она мало в чем разбиралась. Взять хотя бы ее новую квартиру. Одна-единственная финансовая удача с рекламой «Перье» – и Зоя взяла громадный кредит, за который не расплатиться за всю велосипедную карьеру. Как тренер, Том должен был бы отговорить ее, спустить, как говорится, с небес на землю, где спортсмены охотятся за золотом только ради славы. Его просто тошнило при мысли о том, как эта ушлая риелторша вскружила Зое голову. Но он знал, как это бывает: когда живешь один, мыслишь не так, как другие. Никто не скажет тебе: «Слушай, друг, фигня какая-то у тебя получается».

Том попытался согнуть и разогнуть колени, прежде чем встать и вытереться. Он снова помассировал связки, матерясь в такт движениям. Наконец в полном отчаянии ударил кулаками под колени. Жаркая боль растеклась по суставам, но они наотрез отказались слушаться. Они просто издевались над ним – бесчувственные, неподвижные.

Вода в ванне остыла. Том приподнял негнущуюся ногу и потянулся большим пальцем к крану горячей воды. Ему удалось повернуть вентиль, но вода не пошла. Стало зябко. Колени уже привыкали к такой позе, словно он лежал в гробу.

– Не привыкайте, ленивые маленькие ублюдки, – проворчал Том. – А то я велю вас кремировать.

Чем дольше он тут торчал, тем хуже ему становилось. Всего одно сердцебиение назад, когда ему было двадцать два года, он стал чемпионом Австралии в велосипедной гонке преследования и вторым номером в спринте. А потом – так недавно, что в ушах до сих пор звенел гимн «Боже, храни королеву», – дважды выиграл серебро на чемпионатах Содружества. С тех пор он остро ощущал

каждое мгновение времени, все четыре десятка лет, а теперь вдруг стал стариком и калекой. Оказывается, что веревке нет никакого дела до того, что ты замечаешь каждую маргаритку на пути к виселице.

Том попробовал подняться, крепко упершись руками в бортики ванны, чтобы сесть на край, перебросить через него ноги и более или менее сносно упасть на синий банный коврик. Потом можно было бы подтянуться, ухватившись за трубу, где сушатся полотенца. «Господи всевышний, – подумал Том, – а ведь это был бы теперь для меня лучший выход: вываливаться на пол в современной ванной комнате, в квартире с двумя спальнями, глазированными изразцами и „балконом Джульетты“ с видом на канал, в отреставрированном жилом квартале, в двенадцати тысячах миль от места, где я родился».

Холод сковал его, у него не было сил в руках, чтобы подняться из ванны. Довольно долго он думал, как быть, но ничего придумать не мог. Теперь проблема заключалась не в том, что десятая доля секунды отделяла его от пьедестала, а в том, что он не мог вылезти из ванны. Том сдерживал слезы отчаяния. Он не плакал с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года и не собирался делать такой подарок двадцать первому веку.

Поместье Ларс, Великая Соленая Пустошь Чотт, планета Татуин, территории Внешнего Кольца, сектор Арканис, 43 000 световых лет от ядра Галактики.
Второй этаж

Только становясь рыцарем-джедаем, Софи не чувствовала усталости. Она лежала на кровати ничком, на своей родной планете, в черных одеждах Скайуокера, держала наготове световой меч и просматривала видеозапись на айпаде. На экране она объясняла дроиду С-3РО строение Галактики.

– Так вот, – говорила она, – если ты видишь яркую точку в центре Вселенной, значит, ты находишься на планете, которая от этого центра дальше всего.

Софи шевелила губами, глядя на себя, произносящую эти слова на экране. За стеной ее комнаты слышался голос отца, распевającego в ванной. За окном смеялись и перекликались дети, гоняющие на великах. Прижав плотнее наушники, Софи приглушила посторонние шумы. Как они отвлекали – земные звуки, тут, на Татуине. Видимо, это нечто вроде пространственно-временного эффекта, вызванного притяжением двух солнц Татуина. Но ведь она джедай,

она попытается убрать этот эффект. Время и пространство – как маленькие страховочные колесики велосипеда; ты очень ограничен в своих возможностях, пока не научишься обходиться без них.

Стены комнаты были увешаны постерами «Звездных войн». Под потолком висел абажур в виде недостроенной «Звезды смерти». На полу рядом с кроватью стояла главная драгоценность – потрясающая модель корабля Хана Соло «Тысячелетний сокол». Модель была длиной в два фута: ее можно открыть и заглянуть внутрь. А внутри – два субсветовых двигателя Джиродайн SRB42, генератор гипердрайва Isu-Sim SSP05 и генератор силового поля стазисного типа Novaldex. Софи немножко волновало то, что на корабле нет туалета. Квадролазеры AG-2G производства кореллианской инженерной компании были – и на носу, и на корме, целая хитрая сеть отсеков под полом для провоза контрабанды тоже была, а сходить пописать некуда. Даже когда для тебя ровным счетом ничего не значат время и пространство, полеты через Вселенную – путешествие долгое, можно и не утерпеть.

Голоса детей с улицы зазвучали громче. За стеной, в другой Галактике, папа нещадно перевирал «Над радугой» из «Волшебника страны Оз».

Софи решила пересмотреть видео, чтобы проверить кое-что. Она прокрутила «Новую надежду» и «Империя наносит ответный удар» в ускоренном режиме и замедлила скорость воспроизведения только тогда, когда пошла сцена на борту «Тысячелетнего сокола». Туалета там она не увидела.

Ее и так уже подташнивало, а от скоростного просмотра стало еще хуже. Желудок скрутило. Слюнные железы производили сладковатую воду с металлическим привкусом. Не обращая ни на что внимания, Софи переключилась на «Возвращение джедая». В этом фильме «Сокол» фигурировал нечасто, и довольно скоро она вернулась к сцене на борту «Звезды смерти», где Скайуокер наконец противостоит Вейдеру.

Софи убавила скорость прокрутки и стала смотреть фильм. Ее зачаровала энергия, излучаемая пальцами императора.

– Ощути силу темной стороны, – вот что сказал император.

Как же сильно ее мутило!

– Люк, – признался Вейдер, – я – твой отец.

В ванной папа распевал во все горло, по-прежнему перевирая слова.

Все труднее было сосредоточиться, все сложнее отключиться от жизни на Земле. Дети за окном вопили и смеялись. Не снимая наушников, Софи встала на кровати, чтобы посмотреть, что же там происходит. Она увидела, что к дому на велосипеде подъезжает Зоя. Ребята выстроились в цепочку и поехали вслед за ней. Зоя смеялась и, подыгрывая детям, лавировала из стороны в сторону, заставляя их делать то же самое.

Папа за стеной все пел и пел.

– Проверь свои чувства, – сказал Вейдер, – и ты поймешь, что это правда.

Софи увидела, как Зоя остановилась около дома. Рвота подкатывала к горлу. Стоило Софи встать на кровати, как тошнота усиливалась. Она стала глубоко дышать.

– Не-е-ет! – слышался крик Люка в наушниках. Внизу зазвенел звонок, отворилась дверь.

И снова тошнота подкатила к горлу. Прощай, Галактика. Софи сняла наушники и снова превратилась в изможденную девочку, находящуюся в своей комнате, на Земле. Она бросилась к двери, но сразу остановилась. Стояла, переминаясь с ноги на ногу и обливаясь потом. Ванную занял папа, так что туда со своей рвотой она попасть не могла. Внизу – мама с Зоей, а значит, в туалет под лестницей тоже нельзя. Софи зажала руками рот, тошнота подкатывала волнами, все выше и выше. В панике Софи обвела взглядом комнату. Корзинка для мусора – с дырками. Пенал – слишком маленький. Она взобралась на кровать и хотела отвинтить абажур, но не смогла до него дотянуться. Господи, ее вот-вот вырвет!

Софи слезла с кровати, опустилась на колени, и ее вывернуло внутрь «Тысячелетнего сокола». Горячие массы растеклись по отсекам для хранения контрабанды, покрыли энергетический конвертер Koyensayr TLB и поднялись до пояса фигурок Скай уокера, Кеноби, Соло и Чубакки. Они ничего не сказали. Все

четверо молча с отвращением уставились на Софи. Тошнота отступила. Софи была так слаба, что у нее не хватило сил вытереть длинную струю слези, свисавшую с губ.

Пульсировала боль в голове. Внизу разговаривали Зоя и мама. Софи прислушалась.

– Я сейчас поднимусь и посмотрю, как она себя чувствует, – сказала мама. – И можно ли мне уехать.

У Софи часто-часто забилося сердце. Как же ей быть? Она схватила верхнюю секцию «Тысячелетнего сокола», поставила ее на место и задвинула модель под кровать. Внутри болталась блевотина, но хотя бы не проливалась. Софи быстро забралась на кровать, легла, укрылась одеялом и надела наушники.

– Я не стану драться с тобой, отец, – сказал Люк. В дверях появилась мама. Она улыбнулась Софи.

– Как ты себя чувствуешь, милая?

Софи оторвала взгляд от экрана. Пожала плечами.

– Хорошо.

– Можно тебя обнять?

– Нет, – покачала головой Софи. Ей не хотелось, чтобы мама вошла и почувствовала запах рвоты. Кажется, мама обиделась. Но это ничего. Лучше обида, чем тревога.

– Это очень важная сцена, – показала Софи на экран. Мама кивнула:

– Ладно. Я только зашла узнать, все ли у тебя в порядке. Зоя просит съездить с ней к Тому.

Софи пожала плечами и снова уставилась на экран.

– Послушай, – сказала мама, – если тебе не хочется, чтобы я уезжала, я скажу Зое «нет».

Софи покачала головой.

– Нормально. Просто я смотрю кино. Мама вздохнула.

– Ну ладно. Раз ты уверена, что все хорошо... Если тебе понадобится папа – он в ванной.

Софи чувствовала, что ее вот-вот опять стошнит.

– Мама, иди, – сказала она, сжав кулаки под одеялом. – Из-за тебя я пропускаю самое интересное.

Мать на миг задержала на дочери взгляд, отвернулась и закрыла за собой дверь. Софи скатилась с кровати, сняла верх с «Тысячелетнего сокола», и ее снова вырвало. Блевотина поднялась до груди Скайуокера. Тяжело дыша, Софи стояла перед ним на коленях. Она вспоминала мамин взгляд, и ей хотелось плакать. Она поспешно надела наушники.

– Если ты не перейдешь на нашу сторону, ты будешь уничтожен! – гаркнул император Галактики.

Софи выключила DVD.

Хлопнула входная дверь. С улицы донеслись металлические щелчки – это мама и Зоя пристегивали туфли к педалям.

– Ну, как она? – спросила Зоя.

– В последнее время все чаще уходит в свой мир, – ответила мама. – Совсем не желает со мной общаться.

Они покатали по улице, их голоса постепенно стихли.

Софи стояла на коленях, обхватив руками живот, и разглядывала Чубакку – тот тоже был по грудь в блевотине. Он осуждающе смотрел на нее.

Если бы ей не было так плохо, она бы расхохоталась.

Манчестер, Спорт-сити, набережная, квартира 12, ванная комната

Том предпринял еще попытку, но так и не смог вылезти. Чтобы набраться сил, нужно было согреться, а чтобы согреться, нужны были силы. Нечто вроде дрянной версии «Уловки-22», только ты не в эскадре бомбардировщиков, а в треклятой ванне. К тому же, черт побери, с минуты на минуту должна прийти Зоя. Говорить о ней можно все что угодно, но она никогда не опаздывала. Зоя, зарабатывавшая на жизнь тем, что на тысячные доли секунды опережала своих соперников, самых быстрых людей на Земле, не имела проблем с пунктуальностью.

Том еще раз изо всех сил уперся ладонями в бортики ванны. Неразогретая мышца плеча порвалась. Он рухнул в воду.

– Проклятые маленькие ублюдки, – процедил Том сквозь зубы, обращаясь к дельтовидным мышцам левой руки.

Зябко ежась, он принялся массировать плечо и размышлять, как же все-таки быть. Если подумать, то в лучшем случае ему грозит смерть от переохлаждения – быстрая и приятная.

Зазвенел дверной звонок. Том вздохнул, взял мобильник и набрал номер Зои.

– Слушай меня внимательно, – сказал он. – Кроме шуток. Я застрял в ванной. Замкнуло колени.

– Черт. В смысле, понятно. У кого-нибудь есть ключ?

– Господи, Зоя! Кому я мог бы дать ключ?

– Не знаю.

– Конечно, не знаешь. Потому что тебе нет никакого дела до чужой жизни. А вот Кейт, между прочим...

– Она со мной.

– Что-что?

– Я подумала, что, если приеду с ней, ты будешь не так сильно меня ругать. Хочешь, чтобы мы взломали дверь?

– Черт, даже не знаю. А вы сможете?

– Не клади трубку...

Послышался треск и грохот. Дверь ударилась об ограничитель.

– Ага! – радостно воскликнула Зоя. – За это ты нам отменишь тренировку в спортзале.

– Погодите! – крикнул Том. – Не входите пока.

Он смог дотянуться лишь до большого флакона, вылил в воду треть содержимого и взбил пену, чтобы Зоя и Кейт не увидели его костлявого тела, дряблой кожи и пениса, съжившегося от холода.

Он заставил себя расслабиться. Какая дурацкая ситуация! « Попрошу их дать полотенце или что там еще... Уж как-нибудь не оскорблю ничье достоинство, когда они будут вытаскивать меня из ванны. Что ж, просто неловкая ситуация – вроде похода на официальный ужин. Чтобы пережить ее, не обязательно быть в восторге».

Они переживут это, он и его девочки, а потом будут смеяться и пить кофе. Он же не просит, чтобы они подтерли ему задницу, в конце концов. Так он и скажет, чтобы разрядить обстановку.

– Можете входить! – крикнул Том.

Он услышал шаги в коридоре и устремил взгляд на дверь ванной комнаты, готовясь приклеить к губам улыбку, когда войдут Зоя и Кейт. И тут он вдруг увидел у дальней стены, на краю раковины, стакан. В стакане лежал зубной протез, на три дюйма залитый ополаскивателем. Шесть верхних передних зубов на акриловой пластинке, за несколько лет потемневшие и ставшие одного цвета с его «родными» зубами. У Тома противно засосало под ложечкой. Он поднял кончик языка к нёбу, нащупал провал и два штырька, к которым крепился протез. Он сам не знал, на что надеялся – не могли же его зубы находиться одновременно в двух местах: в стакане на раковине и у него во рту. В глубинах памяти он видел их, свои зубы, разбросанные, словно белые зернышки, на досках трека, хотя ему совсем не хотелось вспоминать об этом.

Он еще раз взглянул на свой зубной протез, и отчаяние придало ему сил. Том снова ухватился за бортики. На этот раз ему удалось перебросить себя через край. Он рухнул на пол, как кусок сырого мяса, и пополз к раковине. Он должен оказаться там раньше, чем его дорогие девочки подойдут к двери. Беззубый рот был позорнее наготы. Том пополз быстрее, волоча по линолеуму неподвижные ноги и чувствуя, как в него врезаются зубья десятых долей секунды.

Дверь ванной открылась в тот самый момент, когда его рука дотянулась до протеза. Он схватил его замерзшими пальцами. Протез выпал, отскочил от края раковины, дугой пролетел по воздуху и упал в унитаз.

– О-о-о... – застонал Том. – Твою мать, чертова жизнь...

Кейт и Зоя увидели его лежащим на полу. От ванны тянулся мокрый след. «Гусиная кожа», морщинки – от долгого пребывания в холодной воде... Том повернул шею, чтобы взглянуть на своих подопечных. Жалкая, беззубая улыбка – вот и все, что было на нем сейчас.

Потрясенная, Зоя прижала ладонь к губам. При этом она едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Кейт смотрела на тренера через ее плечо и часто моргала.

Том вздохнул.

– Хватить торчать столбом и любоваться моим первозданным костюмчиком.

Зоя сняла с крючка на двери банный халат и набросила его на Тома. Встала на колени, взяла за руку. Она быстро обвела ванную взглядом в поисках разъяснений.

– Колени заклинило, – объяснил Том. – Никак не мог выбраться из водяной могилы.

– Вызвать неотложку?

– Лучше ветеринара, – скривился Том. – Пусть меня усыпят.

Он видел, что обе его девочки в шоке. В этой жизни он был для них чем-то вроде якоря, в котором обе крайне нуждались. Лучше бы ему снова стать им, а он дрожал так, что ноги барабанили по линолеуму. Он бился, как рыба, выброшенная на берег.

– Давайте-ка все расслабимся, – сказал Том с уверенностью Джона Уэйна, хотя тело его все еще было телом дельфина Флиппера.

– Может, укрыть тебя одеялами? – спросила Кейт. Том отмахнулся. Он уже дожил до того возраста, когда

начинаешь отмахиваться от доброты, как от невидимых мух.

– Так что же мы можем сделать? – совершенно растерялась Зоя.

– Ты, милочка, для начала могла бы продать свою дорожную квартиру, – проворчал Том. – Она тебе ни к чему.

Приходи и живи у меня, в свободной комнате. Обеспечу трехразовым питанием и уберегу от нехороших парней.

– Ты меня позвал, чтобы это сказать? – вспыхнула Зоя.

– Угу, – кивнул Том. – Теперь можешь идти.

– Может быть, мы тебя поднимем? – предложила Кейт.

– Кэтрин, детка, во мне шестьдесят пять килограммов. Я для тебя – пушинка.

Кейт рассмеялась.

– Может быть, сначала что-нибудь на себя наденешь?

– Может быть. Если будешь хорошенько тренироваться. Кейт сделала вид, что дает ему пинка.

– Скотина ты, между прочим. Я решила, что у тебя сердечный приступ или еще что-нибудь. Я испугалась.

– Ой, да ну вас. Шляпа упадет – у вас уже трагедия. Когда я был в вашем возрасте, таких пугливых еще не изобрели.

Зоя сжала его руку.

– Да ты замерз.

Она посмотрела на него, и Том с изумлением увидел на ее лице искреннюю заботу. Он почувствовал, что глаза наполняются слезами, кашлянул и отвел взгляд.

– Давайте-ка поставим меня на мои треклятые ноги, ладно?

Кейт и Зоя помогли ему подняться. Он перенес большую часть веса на ноги. Его девочки довели Тома до гостиной и усадили в кресло около электрического камина с имитацией пламени; Зоя принесла с кровати теплое одеяло, укутала своего тренера и включила камин.

– О, чертов гламур, – проворчал Том.

Озноб усилился. Холод подействовал на него хуже, чем он предполагал. Кейт принесла ему чая. Том обхватил пальцами чашку, стараясь не пролить чай на

себя.

Он должен был овладеть ситуацией.

– Ну ладно, девочки, – сказал он. – Скажу другую речь – не ту, что планировал. У нас осталось восемнадцать недель и один день до первых заездов в Лондоне. Каждая минута на счету, а гляньте-ка на меня. Я – самый старый тренер в нашем бизнесе, а для вас обеих эта Олимпиада последняя. Как ваш тренер, обязан посоветовать вам: подумайте насчет работы с парнем, у которого нормально гнутся колени.

Том наблюдал за лицами своих гонщиц: как они среагируют? Но они отвернулись от него и смотрели теперь друг на друга. Между ними словно пробежало что-то, а когда они вернулись взглядами к Тому, решение было принято.

– Нет, – сказала Кейт. – Наш тренер – ты. Кто еще с нами справится?

Зоя, подтверждая слова подруги, спокойно кивнула.

– И больше ни слова об этом, пожалуйста. Том сглотнул комок, сдавивший горло.

– Вы обе треклятые идиотки, – прохрипел он. Сражаясь с болью, он доплелся до кухни и сделал то, чего не делал с шестьдесят восьмью года: позволил двум слезинкам скатиться по его щекам. Потом прокашлялся, вытер лицо и вернулся в гостиную.

– Я вас обеих к Олимпиаде подготавливаю, – сказал он. – Это я обещаю.

– Ну да, понятно, – перебила его Зоя. – А что это у тебя с зубами?

– Спросишь еще раз – будешь подбирать с пола свои. Кейт опять засмеялась.

– А если серьезно?

– А если серьезно, – ответил Том, – то хорошей девочке вроде тебя совсем не обязательно знать, как именно я потерял свои зубы.

* * *

– Думаю, он упал и ударился, – сказала Кейт, когда подруги вышли на улицу.

– А я думаю, он их вырвал, чтобы легче было плевать, – возразила Зоя.

Кейт поморщилась.

– Тебе нужна помощь.

Зоя показала ей средний палец.

– А тебе нужно гоняться быстрее.

– Я быстрее тебя.

– А вот и нет.

– Намного быстрее! – продолжала утверждать Кейт. – Когда на тренировках я порой позволяю тебе выигрывать, я просто морочу тебе голову. Так и знай!

Зоя бросила на подругу мрачный взгляд.

– Когда на тренировках я порой позволяю тебе морочить мне голову, я просто у тебя выигрываю.

Их дорожные велосипеды были прикреплены цепочками к турникету рядом с домом, где жил Том. Уже стемнело. Дождик стал холоднее. Подруги отстегнули замки, каждая смахнула воду с седла, зажгла передние и задние фары. Кейт надела шлем, застегнула молнию на желтом специальном жилете, отражающем свет. Зоя ни шлем, ни жилет надевать не стала.

Кейт взглянула на нее с удивлением. Зоя усмехнулась.

– Что такое? – непонимающе спросила Кейт.

– Давай наперегонки до моего нового дома.

– До твоего небесного дворца? Этого райского сада миллионеров?

– Ладно-ладно, смейся. Сама бы с удовольствием там жила.

– Я не такая, как ты. Мне всяко-разные подтверждения не нужны.

– Господи! – всплеснула руками Зоя. – Не будь ты гонщицей, ты была бы коротконогой ханжой и вела какую-нибудь критическую колонку в газете.

– Не будь ты гонщицей, ты бы снималась в порнушках, и тебя бы трахали мужики с татуировками на лодыжках.

Зоя запрокинула голову, рассмеялась весело и беззаботно. Так она смеялась только тогда, когда шутки ее пугали. Но когда она снова посмотрела на Кейт, стало ясно, что она овладела собой.

– Да, – сказала она, – но мы с тобой гонщицы, так что давай погоняемся.

Кейт понимала: отказаться невозможно. Она перегнула палку, значит, нужно как-то расплачиваться.

– Ладно, – согласилась она. – Если тебе это и вправду необходимо.

– У-у-у-у-у! – воскликнула Зоя, переступая с ноги на ногу от нетерпения, поднимая и опуская руки, словно цыпленок, пытающийся взлететь.

Кейт почувствовала, как спадает напряжение, и не удержалась от смеха. Тяжелых тем для разговоров у них с каждым днем становилось все больше, Зоя действительно ужасно любила соревноваться. Лучше устроить дуэль на велосипедах. Это, конечно, опаснее драки, но безопаснее разговоров.

– Поехали, – сказала Кейт.

– Дорогу знаешь?

– Знаю, знаю. Дай-ка мне ключ от твоей квартиры.

– Зачем?

– Собираюсь оказаться там раньше тебя, вот зачем! Поднимусь к тебе, поставлю чайник, выпью большую чашку чая и дождусь тебя.

– С великом своим так шути.

Они выехали под холодную морось. Струи дождя хлестали по задним фарам. Согласно джентльменскому соглашению, первые несколько минут они катились не спеша и не обгоняя друг друга, лавируя в транспортном потоке, неспешно текущем к центру города. Потом, после Манчестерского стадиона, переглянулись, дружно кивнули и стали набирать скорость. Обе ехали в небрежном, плавном стиле гонщиков, не ощущающих разницы между собой и каркасом велосипеда. Обе влились в поток машин и разогнались до гоночной скорости.

Уже милою они гнались всерьез – на запад, по Эштон Нью-роуд. Кейт и Зоя мчались вдоль разделительной линии рядом. Время от времени одна из них устремлялась в поток машин, стараясь обойти другую. Дважды им пришлось отъехать к обочине, чтобы пропустить лихих мотоциклистов, летевших навстречу по разделительной полосе. Зоя подняла боковое зеркальце. Взыла сирена, а она весело вскрикнула.

«Какое счастье, – думала Зоя, – вот так гоняться по улицам!» Грязно, быстро, и все, что попадает на глаза, готово тебя прикончить. Водители сонные и невнимательные или, напротив, все замечают и злятся, но и в том и в другом случае могут неожиданно повернуть и ударить. Белые полосы, по которым катит твой велосипед, от дождя стали ужасно скользкими. Разлитое дизельное топливо превратило их в сущий каток. Мало того, здесь валяется куча осколков от разбитых ветровых стекол – они могут проколоть шину, и тогда тебя выбросит на полосу основного движения. Грохнувшись на асфальт, можно лишь кувыркаться по нему, как гимнаст, в надежде, что ударишься о бордюр тротуара раньше, чем тебя переедет автомобиль. Дождь летит в глаза, свет встречных фар превращается в размытые гневные вспышки, а посреди всего этого хаоса ты мчишься наперегонки с другим человеком, который всеми силами старается тебя победить, поэтому сердце твое бьется как бешеное, а все твои чувства

пронизаны насквозь адреналином.

Обе прибавили скорость. Зоя подставляла лицо ветру. Она улыбалась. Это были гонки чистой воды – ни приза, ни славы. Ни узнавания, ни известности. Можно мчаться наперегонки с самой собой. Вот что она обожала. Когда летишь вот так по шоссе, невозможно размышлять о своей жизни. Нужно максимально сосредоточиться, чтобы не допустить ни единой ошибки. Нужно ехать так быстро, чтобы скорость начинала питаться самой собой, колеса – рычать в темноте, а сердце – биться так часто, что кажется – еще один удар в минуту, и ты погибнешь. А потом вдруг ты слышала рев мотоцикла, поворачивалась, видела ослепительно белую фару и каким-то невероятным образом начинала гнать велосипед еще быстрее. Огни пролетали мимо, словно лучи лазера. Ты наклонялась, виляя из стороны в сторону и прибавляя скорость. Гонки на улицах были ее коньком. Только на таких гонках она могла на полной скорости промчаться мимо здорового рекламного щита с ее собственным лицом и заметить лишь дополнительное освещение, которое этот щит давал дороге.

Кейт и Зоя сражались за первенство на разделительной полосе. Вперед вырывалась то одна, то другая. Они проехали почти целую милю, и легкие у них пылали, но ни одна не смогла пока обогнать другую. Разделительная полоса становилась все уже, ехать по ней вдвоем делалось опасно. Дважды подруги сталкивались плечами, не без труда удерживая равновесие, чтобы не вылететь на полосу, занятую машинами.

Впереди, в двухстах метрах, светофор обозначал перекресток, от которого нужно было двигаться налево, по Грейт Анкуотс-стрит, пока горел зеленый.

Глядя на дорогу, Кейт рассчитывала время, через которое загорится желтый. То ли поторопиться, то ли притормозить. Никим образом не выдав своих намерений, она рванула вперед и обставила Зою на целых пять корпусов велосипеда. Это было нечто вроде силового приема: вырываешься вперед на несколько секунд, на пределе дыхания, рассчитывая проскочить на зеленый – при том что соперник сделать этого не успеет. Риск состоял в том, что на зеленый мог успеть проскочить и соперник, и тогда он мог обогнать тебя, задыхающегося от недостатка кислорода.

Кейт рискнула, морщась от боли – все ее тело словно кололи иглы. Ей отчаянно хотелось выиграть. Победа над Зоей сейчас, в дружеской гонке, означала, что в сознании подруги останется поражение, и этот негатив сохранится ко времени

их серьезного старта. Кейт усерднее заработала педалями. Каждая секунда казалась просто невыносимой, а уж двадцать секунд... Невозможно себе представить! Усилием воли Кейт вызвала в сознании образ Софи. Вот так дочка справлялась со своими страданиями. «Если я выиграю сейчас, то Софи поправится», – загадала Кейт. В этой мысли не было никакой логики, но у разума, работавшего на фоне ста шестидесяти ударов сердца в минуту, места для логики не оставалось. Мчась сквозь тьму, Кейт представляла себе где-то впереди Софи, и образ дочери звал ее к себе.

Зоя все светофоры знала наизусть и ждала, что Кейт вырвется вперед. Она мощнее заработала педалями, чтобы не дать сопернице увеличить отрыв, рассчитывая момент, когда желтый свет ее не остановит. Мышцы болели от напряжения, но Зоя не замечала боли. Шины скользили и съезжали в сторону. Она гнала велосипед вперед с такой силой, что рама стала поскрипывать.

Кейт тоже мчалась на пределе сил. Как раз в то самое мгновение, когда боль в мышцах и легких достигла невыносимой интенсивности, на светофоре зажегся желтый свет. Оставалось пятнадцать метров до того места, которое она отметила для себя как абсолютную точку невозврата. Она ощутила некое облегчение: теперь можно притормозить. Она рискнула: быстро оглянулась и поняла, что у Зои точно такой же план. Но Зоя еще не успела ее нагнать. Она рвалась вперед, раскачиваясь, как в трансе. Похоже, она не заметила, что Кейт оглянулась.

Кейт растерялась. Может быть, она переосторожничала? От расчетной точки ее отделяло только пять метров, а все еще горел желтый свет. Она могла повернуть налево в тот самый момент, когда вспыхнет красный. Она бросила взгляд вправо, где машины выжидали последние секунды, пока для них горел красный свет. Там дорога была четырехполосной. Первыми перед перекрестком стояли черный «вольво» и голубой «БМВ». Сбоку подъехал мотоцикл. Что ж, машины как машины. Судя по всему, за рулем ни одного психа.

Дважды Кейт нажала на педали изо всех сил, но вдруг растерялась снова: она подумала о Софи. Неожиданно та зона, к которой она стремилась, показалась ей так же строго маркированной, как линия остановки автомобилей. Она же мать маленького ребенка. Неужели она всерьез готова рискнуть и выехать на полной скорости на перекресток, который вот-вот заполнится машинами? Кейт представила лицо Софи, и взгляд дочери с такой силой соединился с ней, с ее сухожилиями и мускулатурой, что она, не раздумывая, затормозила так яростно,

что у нее чуть не заклинило колесо.

Как только зажегся желтый, Зоя заметила растерянность Кейт и прибавила скорость. От намеченной точки ее отделяло тридцать метров, но об этом она не думала. Она думала об Адаме. Здесь, на пределе физических возможностей, она чувствовала, как покойный брат следит за ней точно таким же любопытным и бесстрашным взглядом, каким сегодня на нее смотрела Софи. Снова эти волны времени – словно круги по воде. Как ни старалась Зоя уйти от них, они ее нагоняли.

Кейт притормозила, а Зоя вильнула в сторону и проехала мимо подруги. На бешеной скорости она преодолела широкую белую линию, пересекавшую проезжую часть, и промчалась на красный свет со скоростью двадцать миль в час, круто накренившись влево, чтобы совершить поворот под девяносто градусов. Шины с визгом проскребли по асфальту. Еще немного – и они бы лопнули.

Манчестер, Грейт Анкоутс-стрит, на пересечении с Эштон Нью-роуд.
Тридцатиметровая огороженная секция проезжей части

Водитель голубого «БВМ» сказал офицеру, ведущему следствие, что ему некуда было свернуть. Он пересек перекресток на три четверти, успел набрать скорость не больше пятнадцати миль в час, когда на его пути возникла Зоя – на расстоянии колеса от его бампера. На реакцию у него было меньше секунды. Слева двигался черный «вольво», справа – мотоцикл. Он успел нажать на тормоз, но все равно зацепил заднее колесо велосипеда. Он почувствовал, что под его шины что-то попало, и жутко испугался, потому что подумал, что это она, велосипедистка.

– Не знаю, что и сказать, – пробормотал он. Следователь держал планшет с протоколом и шариковую ручку на пружинке.

– Вы могли заявить, что она свернула прямо на ваш тормозной путь, – сказал он. – Так вашей страховой компании будет понятнее.

Обмерив место аварии и сделав выводы на основании осмотра следов на дорожном покрытии, а также помятых номерных знаков и осколков фары,

следователь был склонен ни в чем не винить мужчину-мотоциклиста. Женщина слетела со своего велосипеда и покатила по проезжей части. Мотоцикл проехал вперед то ли за секунду до ее падения, то ли через секунду после, женщину же ударило об освещенную тормозную тумбу на центральном разделительном островке. Ей еще повезло, что она отделалась лишь ссадинами и синяками.

Ее педальному велосипеду (так следователь описывал транспортное средство Зои), уложенному на багажник патрульной машины, досталось гораздо больше: рама треснула, спицы погнулись, по нему проехали как минимум три машины. Мотоциклист сидел неподвижно, закутанный в серебристое термальное одеяло, на заднем сиденье «неотложки», а велосипедистку утешала подруга.

Зафиксировав на бланке протокола детали аварии, офицер добрался до последнего пункта – «КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ». В принципе ничего сложного: пострадавшая выехала на полосу встречного движения, а ее подруга затормозила. Так уж устроен мир: как только загорается красный свет, люди делятся на две категории – одни прибавляют скорость, другие тормозят. Адам и Ева, Авель и Каин... Не стоит даже ломать голову, задавать себе вопрос – почему. Не за его зарплату, по крайней мере.

На миг ручка замерла над разделом «КОММЕНТАРИИ», но слова не шли на ум. Офицер нажал на клапан, стержень ручки исчез внутри корпуса. Холодные капли дождя падали с фуражки на шею. «Что же значит для этой бабы ее жизнь, – подумал следователь, ежась от холода, – если она не затормозила, как сделал бы любой на ее месте?»

Салон 72-й машины Северо-Западной службы скорой медицинской помощи

Струи дождя стекали по заднему стеклу, пока Зою усаживали поудобнее. Носилки были снабжены табличкой с указанием, что они рассчитаны на пациентов весом до четырехсот килограммов (или восьмисот восьмидесяти фунтов).

– Таков вес взрослого самца бизона, – сообщил санитар, решив увести разговор в сторону от того факта, что пострадавшая намеренно выехала на полосу встречного движения.

Кейт улыбнулась и взглянула на Зою – не скажет ли та чего-нибудь, – но Зоя нахмурилась, отвернулась и стала смотреть на дождь за окном.

– И часто приходится перевозить бизонов? – нарушила молчание Кейт.

– Случается перевозить дамочек – пухлых, как пончики. У нас даже есть подъемник – помогает укладывать их на носилки. Мы его называем «Хрустящий кремовый экспресс».

Кейт рассмеялась, но Зоя по-прежнему пребывала в мрачной прострации. Кейт взяла ее за обе руки, когда санитар стал пинцетом вычищать грязь из глубокой ссадины на предплечье Зои. Как и ожидала Кейт, Зоя не реагировала на боль. Лишь чуть заметно подрагивали ее пальцы при каждом прикосновении пинцета.

– Посмотри на меня, пожалуйста, – попросила Кейт. Зоя по-прежнему, не отрываясь, смотрела в окно.

– Посмотри на меня! – повторила Кейт.

Зоя устремила на нее взгляд, полный отчаяния. Санитар прервал работу, ожидая того момента, когда пациентка замрет. Наконец он снова принялся очищать рану. Кусочки мелкого гравия падали в стальной лоток. «Неотложка» ехала в потоке машин, включив сирену. Ярким светом мигали два проблесковых маячка.

– Зачем ты это сделала? – спросила Кейт.

– Хотела победить.

– Ты могла погибнуть.

– Я об этом не думала.

– Не думала. Это точно. Зоя раздраженно скривилась.

– О, кто ты такая? Моя мамочка?

– Я знаю тебя дольше, чем она. Зоя снова уставилась в окно.

– А знаешь, если бы я угодила под ту машину, все стало бы для тебя намного проще.

Кейт бережно повернула голову Зои к себе.

– Взгляни на меня. Если бы ты угодила под ту машину, я бы умерла тоже.

Санитар прервал работу. Тихие постукивания мелких камешков прекратились.

– С какой стати? – хмыкнула Зоя. – Тебе-то есть ради чего жить. У тебя есть всё.

– Не всё.

– Господи, Кейт, – раздраженно выдохнула Зоя. – Это просто кусок желтого металла на красной блестящей ленточке.

– Легко говорить, когда ты этот кусок металла выиграла.

– Ты так думаешь?

– Знаешь что? – сказала Кейт. – Вообще-то мне все равно. Лишь бы мы обе дошли в Лондоне до финала, обе оказались на пьедестале. А кто какую медаль получит, не важно.

– Ага, – откликнулась Зоя. – Лишь бы золото досталось мне.

Кейт улыбнулась, покачала головой.

– Ох, Зоя, ну что с тобой делать?

– Со мной все в порядке.

– Правда? А я волнуюсь. Мне кажется, ты немного не в себе.

– Дорога была мокрой, Кейт. Аварии неизменно случаются; бывает и кровь. Девушки, не способные справляться с травмами, давным-давно выбыли из игры.

Кейт вздохнула.

– Я не о таких травмах тебе говорю. Я говорю о серьезных.

Зоя отвернулась. Кейт сжала ее руки.

– Не обязательно все время друг на друга злиться, правда? Мы могли бы заключить перемирие. Поговорить о том, что тебя гнетет.

– Ничто меня не гнетет.

Зоя высвободила руки и нарисовала в воздухе кавычки с двух сторон последнего слова Кейт.

Кейт немного помедлила, а потом снова взяла подругу за руки.

– Дело в Адаме?

– Нет, – резко оборвала ее Зоя.

– А все-таки в нем, да? – настаивала Кейт. – Я тебя знаю. Когда ты вытворяешь черт знает что, значит, ты думаешь о нем.

Зоя посмотрела на Кейт в упор.

– Я думаю про парней и шопинг.

Санитар молча возобновил работу. Неотложка продолжала свой неспешный путь под дождем.

«Ну вот что с ней делать?» – думала Кейт.

Если закрыть глаза, можно подумать, что беседуешь с пьяной бабой на автобусной остановке – одной из этих заторможенных зануд с опухшими глазами; впрочем, иногда они становятся злобными и язвительными. Они с прищуром смотрят на тебя сквозь сигаретный дым, пальцы их плетут нить невидимых оскорблений и ткнут из нее саван. Но когда так говорила Зоя, она глядела на тебя ясными зелеными глазами, кожа у нее на лице была безупречно чистой, и вся она светилась олимпийским здоровьем. Такое несоответствие повергало в шок. Наверное, что-то подобное можно почувствовать, если тебе врежет по физиономии плюшевый медвежонок.

– Хочешь, после больницы поедem ко мне? – спросила Кейт. – Поужинаешь с нами.

– Я не голодна, – буркнула Зоя, словно подруга спросила у нее, хочет ли она есть.

Кейт пришлось напомнить себе, что Зоя не всегда ведет себя скверно и что потом ей неизменно становится стыдно. По крайней мере, она хотя бы пытается объяснить, в чем дело. Так Кейт узнала, например, об Адаме. Несколько лет назад, задолго до Афин, Зоя впала в свое обычное мрачное состояние и отколола такое, из-за чего Кейт проиграла гонку на Национальном чемпионате. В последовавшие за тем недели Зоя мучилась угрызениями совести – так, во всяком случае, представлялось Кейт. Ей казалось, что ее подруга трепещет, словно бледный беспокойный свет, пытающийся разогнать тени от ее поступка. Зоя пригласила Кейт на ланч, просто умоляла ее прийти, и они встретились в одном из лучших ресторанов города – в «Линкольне». Такой дорогой ресторан Кейт позволить себе не могла и сомневалась, что Зое это по карману.

В зале, где стены и пол были отделаны каррарским мрамором, пианист с трехдневной щетиной, в льняном костюме и в туфлях на босу ногу, играл Дебюсси, сидя за роялем на низком стульчике. Зоя расположилась здесь как у себя дома – в этих своих джинсах и просторной серой майке. Но все равно она привлекала внимание. Кейт укрылась за книжкой меню, отыскивая хотя бы одно блюдо, соответствующее ее спортивному рациону.

Напрасно она согласилась прийти сюда, чтобы наконец помириться. Ей все больше казалось, что Зоя решила ее унижить.

Она в тоске оторвала взгляд от меню и увидела, что подруга смотрит на нее в испуге.

– Черт, – выдавила из себя Зоя. – Тебе здесь не нравится, да?

– Почему? – возразила Кейт. – Тут очень мило. Зоя подняла руку.

– Погоди-ка. Я все исправлю.

Она встала, подошла к пианисту, села с ним рядом, что-то шепнула на ухо. «Прелюдия» на миг словно споткнулась, а потом пианист заиграл в более быстром темпе, провожая Зою улыбкой.

– Ну вот, – сказала она.

– Что ты ему шепнула?

Зоя небрежно махнула рукой, сдула прядь волос, упавших на лоб.

– Пообещала дать номер своего телефона, если он поднимет тебе настроение.

– Не смешно! – возмутилась Кейт.

– Ага, – согласилась с ней Зоя. – Я вела себя с тобой как полное дерьмо и теперь не знаю, каким образом все исправить.

Кейт смотрела Зое в глаза, стараясь понять, искренне ли та говорит, а пианист плавно перескочил с Дебюсси на песенку Бритни Спирс *Oops, I did it again*, исполняя попсовый мотивчик в абсолютно классическом стиле и с серьезнейшей физиономией.

Кейт не удержалась от улыбки.

– Просто не знаю, что у меня с головой, – призналась Зоя. – Мне так отчаянно хочется выиграть, что я забываю, что ты – это ты. Что мы с тобой подруги.

Кейт чувствовала, как ее злость растворяется в пузырьках минеральной воды и импрессионистских пассажах, которыми пианист щедро сдабривал «шедевр» Бритни.

– Ладно, – сказала Кейт. – Только в следующий раз не забывай об этом. Напиши себе на руке, черт побери, или еще где-нибудь.

Зоя прикусила нижнюю губу.

– Я знаю, у меня проблемы в общении. Я тебе говорила... Я всем говорю, что я – единственный ребенок в семье, а на самом деле у меня был брат, и я его потеряла, когда мне было всего десять лет. Вот так. Скучная старая история. Как только кто-то подходит слишком близко, я его отталкиваю. Прости.

– Господи... Нет, это ты меня прости, Зоя. Ты должна была хоть что-то мне сказать.

Зоя запрокинула голову. Глаза у нее покраснели, но тут пианист заиграл что-то в бравурном стиле, и она рассмеялась.

– О таком не рассказывают. Ты первая, кому я сказала.

– Это случилось в Манчестере?

– Или на другой планете.

– Том знает? Зоя нахмурилась.

– Это не имеет никакого отношения к тренировкам.

– А мне все-таки кажется, что ему стоит знать.

– А я думаю, что про такое говорят только лучшим друзьям. Зоя ждала реакции Кейт. Но прежде чем та придумала,

что сказать, подошел официант и поставил перед ними тарелки, накрытые серебряными крышками. Он галантно поднял крышки, отвесил девушкам легкий поклон и плавно ретировался. На тарелках лежало по сто пятьдесят граммов вареного дикого риса, по шестьдесят граммов измельченного изюма, сто граммов консервированного тунца в собственном соку и тридцатиграммовый энергетический белковый батончик в желто-голубой упаковке. Кейт не верила собственным глазам.

– Я спросила у Тома, что тебе сегодня полагается есть, – хмыкнула Зоя, – и решила, что такое меню выгонит из тебя злость.

Кейт оторопело уставилась на Зою, а пианист сыграл короткое интермеццо с барочными вариациями на тему из сериала «Рыцарь дорог».

– Что? – спросила Зоя.

Кейт на миг задержала на ней взгляд, улыбнулась и покачала головой.

– Ничего, – ответила она. – Bon appe?tit.

Bon appe?tit... Вот и все... куда проще, чем найти слова, чтобы объяснить, что порой – в те редкие моменты, когда Зоя не доводила ее до серьезного срыва, – дружба с ней просто кружила голову.

Вот о чем думала Кейт, когда они ехали в отделение неотложной помощи.

– Ты точно в порядке? – спросила она подругу. – По-настоящему?

Зоя взглянула на раны на своем предплечье.

– Да, – тихо сказала она. – Выживу.

Манчестер, Спорт-сити, набережная, квартира 12

Когда ушли Кейт и Зоя, Том ощутил страшную усталость. Он выудил из унитаза зубной протез, отмыл его хлоркой, сполоснул водой и вставил. Входную дверь

залепил скотчем и закрыл на цепочку. Сел перед фальшивым пламенем, принял две капсулы нурофена и запил половиной бокала красного вина.

Он проснулся от собственных рыданий и в первые мгновения ничего не мог понять. Доплелся до кухни на негнущихся ногах и поставил чайник.

Он дышал. Уже хорошо. Даже очень. Вот голубые и белые плитки кафеля в кухне. Вот старая столешница с царапинами и кругами, по которым можно провести пальцами. Хорошо. Надо перестать относиться к этим снам как к доказательству того, что ты проклят. Просто треклятые нервы скрипят и жужжат, как старые сплетницы.

По большому счету, он не виноват. Это была честная работа – вот так и надо смотреть на свою жизнь. Закончив собственные выступления на Олимпиадах, он мог остаться в Австралии, и дружки-приятели сколько-то лет покупали бы ему выпивку. Он этого не сделал. Он принял правильное решение: прилетел сюда, чтобы начать новую жизнь в качестве тренера. И еще он завел семью, только у них ничего не получилось. Зато возникла идея: быть может, если он станет помогать другим детям, то как-то расквитается за неудачу в воспитании собственного ребенка?

Теперь он уже мало что помнил о своем мальчике. Наверное, это не так уж плохо. С какого-то момента твои добрые дела должны постепенно зачеркнуть плохие – даже в воспоминаниях.

Он начал тренировать юниоров, а когда в восьмидесятых появился велосипедный мотокросс, достиг больших успехов. Этот кросс... Вот уж действительно «Безумные гонки»: подростки в шлемах, целиком закрывающих лицо, их ноги, работающие как маленькие паровые поршни... Скоро Том перестал заниматься кроссом, теперь он работал с ребятами в промежутках между чемпионатами, чтобы ближе познакомиться с ними. Это давало ему возможность морально поддержать подопечных. Психика ребенка в сотни раз крепче, чем у взрослых. Если разглядеть, какой подросток бежит от своего прошлого, а какой мчится к будущему, можно высвободить немало таящейся внутри энергии.

Когда наступал день соревнований, его ребяташки всегда были в форме и выигрывали все чертовы трофеи, какие только можно выиграть. Том любил этих

яростных бойцов ростом ему до пояса. Особенно милы его сердцу были ребята свирепые. Помогаясь им выиграть один раз, другой, и мало-помалу в их улыбках на подиуме становится все меньше «А пошел ты...» и чуточку больше «Ух, кайф какой». Может быть, с Зоей он до сих пор терпеливо ждал такого мгновения и знал: настанет день, когда она улыбнется открытой, радостной улыбкой.

Он славно потрудился над своей жизнью. Если положить все на весы – попытку собственного отцовства на одну чашу, а на другую – ребят, которым помог, – кто скажет, в какую сторону склонится эта гребаная чаша? Ты каждый час старался изо всех сил – вот и все, что ты мог делать.

Том налил в чашку кипятка и размешал чай. Прищурившись, глянул на табло на панели духовки и увидел, что уже почти девять вечера. «Ну уж нет, я не дурак, – подумал он. – Пусть этот пакостный сон ускользнет из дома, и только тогда я рискну снова заснуть». Он сделал глоток и оперся о стойку. Колени терзала жгучая боль, но сесть Том не отваживался – вдруг не сумеет встать? Ему совсем не хотелось снова звать на помощь своих девочек.

Нет, ну это надо же! Теперь они должны о нем заботиться!

Он всегда считал, что важнее всего результат. Верил, что самое большое счастье – видеть, как растут его спортсмены. После того как несколько лет он выводил ребятшек на верхние ступени пьедестала почета, его повысили в должности и поручили элитную программу британского велосипедного спорта. Нужно было отобрать юношей и девушек от семнадцати до девятнадцати лет с самыми лучшими результатами на национальном уровне и определить, кто из них способен подготовиться к международным соревнованиям. Эти ребята были готовы умереть за славу. Им предоставили Национальный центр велосипедного спорта при Манчестерском велодроме. Настали поистине грандиозные времена! Том сам мог отбирать спортсменов, с которыми ему хотелось работать. Чаще ими оказывались девушки. Они серьезнее относились к тому, чем занимались, и это соответствовало тренерскому стилю Тома, а он был строже сержанта, муштрующего новобранцев.

Он отсеивал девушек, а потом выбирал самых лучших из них, и в итоге отказался от всех, кроме Зои и Кейт. Потому что этому он мог посвятить свою жизнь: вывести их двоих на вершину. Он отдал своим девчонкам лучшие годы, и ему всегда хотелось одного: видеть их достижения. Но, увы, теперь четыре олимпийских золота Зои и крошечные промахи Кейт уже потеряли свое

значение. Его девочки до сих пор в него верили – вот что самое главное. При том что тренер их – старая развалина и ничего больше.

Том вылил остатки чая в раковину, вернулся в комнату и лег на кровать.

Ему стало лучше. На самом деле. Навалилась дремота, Том закрыл глаза. Он ясно увидел свою дальнейшую жизнь, и теперь она казалась ему не слишком сложной. Он подготовит своих девочек к Олимпиаде, уйдет на пенсию и отвезет свои несчастные коленки в Австралию. Может быть, даже выкупит старый дом, если он, конечно, еще существует. Будет попивать винцо, удобно устроившись на веранде, и примирится со всем, что с ним случилось. Для тебя еще не все кончено, если ты способен смотреть в глаза своим воспоминаниям и... не то чтобы быть к ним равнодушным, но хотя бы их не бояться.

Северный Манчестер, Центральная больница общего профиля, отделение травматологии и неотложной помощи, палата 12

Кейт сжала колено Зои.

– Мне пора домой, – сказала она. – Джек и Софи небось гадают, куда это я подевалась.

Зоя улыбнулась.

– Ладно. Спасибо, что побыла со мной.

– Все будет хорошо?

Зоя посмотрела на стройного симпатичного врача, осторожно накладывавшего стерильную повязку на ее предплечье.

– Пожалуй, у меня есть все, что нужно.

Швейцария, Лозанна, штаб-квартира Международного олимпийского комитета

В административном кабинете на верхнем этаже суперсовременного офисного здания шестеро чиновников среднего звена собрались за ореховым столом середины века в конференц-зале. Они только что внесли изменения в правила проведения соревнований по велосипедным гонкам на треке. Было уже почти полночь; всем хотелось поскорее закончить работу и вернуться домой, к своим семьям. Протоколы были просмотрены и пересмотрены. Завтра предстояло обсудить изменения в правилах современного пятиборья. На столе стояли полупустые чашки с остывшим кофе, полупустые банки с тепловатой диетической колой. Обслужу давно заменили автоматы. В длинном коридоре уборщики пылесосили ковры.

Чиновники изменяли правила участия в Олимпиаде, дабы удовлетворить пожелания акционеров телекомпаний США, Европы и Азии. Составители программ требовали, чтобы в соревнованиях участвовало меньшее число гонщиков, так как считали, что нужно показывать поменьше отборочных заездов и побольше финалов в прайм-тайм. Это было нужно также и для того, чтобы потрафить вторичным акционерам – рекламным агентам на двенадцати сотнях региональных рынков, которым необходимы приемлемые цены для своих клиентов. А клиенты затянули ремни потуже, потому что банкиры высосали из денег, можно сказать, костный мозг, и покупатели не могли тратить слишком много.

В итоге чиновники дружно согласились с тем, что время соревнований на велодроме следует сократить. Вот что стало с миром, по которому когда-то бесечно колесили на своих медленных великах дети. Время было реструктурировано, как старый долг. Долгий безмятежный час порезан на микроскопические частицы. Манифесты сократились до мемов, речи сжались и превратились в звуковые биты, отборочные заезды сменились финалами, и не чиновники виноваты в том, что старику-тренеру нужно теперь выбрать из двух девочек-гонщиц, которые выросли рядом с ним, одну, а та из них, которая сейчас находится на грани жизни и смерти, чувствует, как рвется хрупкая нить связи между ними.

Чиновники внесли данные пересмотра правил в документы, встали из-за стола и вышли из конференц-зала. Они шли по пустым коридорам, разговаривая о женах и детях, а детекторы, улавливая их движение, издавали негромкие металлические щелчки, включая освещение. Стоило миновать какую-то зону, и светильники выключались в том же порядке, в каком включались. Казалось, за этой группой крадется другая – безмолвная, жаждущая темноты. В коридорах

становилось темно и тихо.

Чиновники спустились на лифте прямо к подземной парковке, сели в тускло-черные или серебристо-серые машины – «фольксвагены», «ауди», «вольво», доступные администраторам МОК среднего звена. Одни включили музыку, другие предпочитали ехать домой в тишине. Если они и думали о том, что только что случилось, то им казалось, будто они лишь самую малость изменили условия соревнований. Информация об этом даже не должна попасть в газеты.

Облачный город территории Внешнего Кольца, сектор Аноат, высокая планетарная орбита, высота 60 тысяч километров над поверхностью газовой планеты Беспин, 49 100 световых лет от ядра Галактики. Сетка координат K-18

Софи сражалась с Вейдером на световых мечах на смотровой площадке Облачного города. Лиловое солнце садилось за кипящие газовые облака планеты, лежащей далеко внизу... – и тут на айпаде сработал будильник. Софи с трудом очнулась от сна и отключила будильник. Она не обращала внимания на то, как слабы и тяжелы ее руки и ноги. Она знала, что должна сделать. Такова миссия джедая, а джедаи равнодушны к болезням.

Она нажала кнопку на рукоятке своего светового меча. Он неплохо освещал комнату. Софи слезла с кровати и на цыпочках вошла в спальню родителей. Она немного постояла у них в ногах, подняв свой меч, чтобы получше их разглядеть. Все было в порядке. Родители крепко спали. Голова мамы лежала на груди отца – такая уж на Земле традиция.

Софи на цыпочках вернулась к себе и прислонила световой меч к стене. Встав на коленки, вытащила из-под кровати модель «Тысячелетнего сокола», подняла ее, стараясь держать ровно, чтобы ничего там не расплескалось.

– Осторожней, малышка, – пошептал Хан Соло. – Одно неверное движение – и старое корыто может дать крен.

– Чепуха, – шепотом откликнулась на его слова Софи. – Это то же самое, что вести домой мой наземный спидер.

И она повела «Тысячелетнего сокола» вниз по лестнице, уклоняясь от вражеских боевых патрульных истребителей с двойным ионным двигателем, балансируя на грани траекторий, чтобы не повредить ткань пространства-времени. В кухне она водрузила «Тысячелетнего сокола» на крыло мойки, сняла верхнюю часть и аккуратно вылила содержимое в раковину. Запах был тот еще, но Софи к нему привыкла. Она включила холодную воду и промывала модель до тех пор, пока в ней не осталось никакой гадости, пока все фигурки не стали чистыми.

– Может, хватит, малышка? – прошептал Хан Соло. – Вода зверски холодная.

Чубакка издал жалобный стон.

– Расслабься, ты, здоровенный комок шерсти, – сердито пробормотала Софи. – Хочешь, чтобы Империя выследила нас по запаху?

Как только «Тысячелетний сокол» был очищен, Софи снова пустила воду в раковину и подтолкнула к отверстию слива последние дурнопахнущие комочки. Потом вытерла модель звездолета и фигурки героев полотенцем, водрузила на место верхнюю часть «Тысячелетнего сокола» и отправилась в обратный путь – к Облачному городу, через пояс

астероидов. На середине лестницы, где сила притяжения была особенно высока, у нее разыгралась космическая болезнь, и пришлось немного передохнуть. Она села на ступеньку, чувствуя жжение в груди и тошноту. Через несколько минут все прошло. Софи встала и продолжила свой путь.

Добравшись до второго этажа, она совершила ошибку: пошла слишком быстро и оступилась. «Тысячелетний сокол» покачнулся, боком царапнул по стене.

– Осторожней! – прошипел Хан Соло. – Может, корабль и выглядит как груда ржавого железа, но все-таки он самый быстрый в Галактике!

Софи замерла: она услышала, как в спальне родителей кто-то пошевелился.

Послышался голос отца – вялый спросонья:

– Это ты, моя девочка? Все в порядке?

Последние несколько шагов до своей комнаты Софи шла на цыпочках. Она задвинула «Тысячелетнего сокола» под кровать, скользнула под теплое одеяло.

– Софи? – окликнул ее папа. – Все хорошо?

– Прекрасно! – крикнула она в ответ.

– Вот и умница, – сказал папа.

Софи закрыла глаза, совершила прыжок в гиперпространство и направилась обратным курсом к Облачному городу.

Вторник, 3 апреля 2012. Манчестер, Спорт-сити, набережная, квартира 12

Апрельское солнце пробивалось сквозь шторы, когда Том проснулся. Ведущий на канале его радиочасов сообщал о серьезных затруднениях при въезде в город.

Том встал, раздвинул шторы, немного постоял у окна под яркими лучами нежаркого солнца. Зевнув, он опустился в кресло перед письменным столом, с силой упираясь в подлокотники, чтобы не перегрузить колени. Он включил нужную ему программу – пора составить расписание тренировок на ближайшую неделю. Пока загружалась программа, решил проверить почту.

Первое электронное письмо пришло от слесаря – по поводу взломанной двери. Второе – от начальника Тома в сфере британского велосипедного спорта.

«Том, – сообщало письмо, – вчера поздно вечером мы получили уведомление из МОК. Вскоре они объявят об изменениях критериев участия в квалификационных заездах перед Лондонской Олимпиадой 2012 года. В каждой спринтерской гонке будет теперь позволено участвовать от каждой страны лишь по одному спортсмену. Поговори с Зоей и Кейт до официального сообщения – как ты понимаешь, в квалификации теперь сможет принять участие только одна из них».

Далее в письме излагались заверения в том, что будет подан решительный протест в связи с изменениями правил, введенными МОК, впрочем, Тому советовали на этот протест больших надежд не возлагать.

– О боже, – еле слышно вымолвил Том и перечитал письмо.

Он вздохнул и опустил голову на руки.

Со своими девочками он познакомился в один и тот же день, в 1999 году, когда работал в элитной перспективной программе. Он уже год вел два класса на велодроме в Манчестере, и при каждом соревновании у него было ровно три дня для отбора талантливых подростков. Три дня... Не так уж много... За годы он выработал некую хитрость: в первый день садился при входе – вроде как секретарь. Это давало ему возможность поговорить с новичками, последить за их поведением, когда они пребывали в не самом хорошем расположении духа. Так ребята раскрывались лучше.

В тот день самой первой явилась Зоя. Ей было тогда девятнадцать. Высокая, стройная, сердитая. В черном пуховике. Глаза подведены черным, голова обрита наголо. Она не улыбалась, но, черт побери, Том уважал ребят, приезжавших пораньше. Явился первым – считай, застолбил для себя место. На треке остальные будут следить за тобой в спринте, ориентироваться на тебя. Будут наблюдать за едва заметным подрагиванием твоих икроножных мышц, означающим, что ты набираешь скорость. А к тому времени, когда остальные успеют среагировать, ты уже будешь на долю секунды впереди. Тот, кто прибыл на велодром на час раньше других, на треке сможет отвоевать десятую долю секунды. Из таких пропорций складывалась победа.

Зоя подошла прямо к столу и бросила на него свою сумку.

– Доброе утро, мисс, – сказал Том. – Чем могу быть полезен?

Зоя устремила взгляд на турникеты, отделявшие вестибюль от велодрома.

– Элитная перспективная программа, – процедила она сквозь зубы.

Том ухмыльнулся.

– А мы прямо такие перспективные, да?

Она была не в настроении и шуток не принимала.

– Зоя Касл, – буркнула она. – Я в списке; тренер – Томас Восс.

– Восс? Этот старикан? Зоя сделала большие глаза.

– Слушайте, может, вы просто посмотрите список, а? Том порылся в бумагах и пожал плечами.

– Наверное, еще не принесли, – сказала Зоя. – Я рано приехала.

– Рано для чего?

Она явно больше не могла сдерживаться.

– Слушайте, я же сказала: я приехала для участия в...

– Что ж, будем надеяться, что катаетесь вы так же быстро, как выходите из себя, мисс Зоя Касл.

Она кинула на него мрачный взгляд, и Том пропустил ее на велодром. Зоя ухитрилась зацепиться за турникет ручками сумки и провозилась целую минуту, пока их не высвободила. Здорово она тогда разозлилась! Том наблюдал за ней испуганным, но и восторженным взглядом ребенка, постучавшего по стенке террариума и разбудившего нечто злобное.

Он выждал минуту, а потом пошел вслед за Зоей. Он любил смотреть, как на велодром реагируют спортсмены. Трибуны на двенадцать тысяч мест поднимались до самой куполообразной крыши – так высоко, что свет от стеклянных панелей до трека не доходил. Широкие квадратные снопы солнечных лучей преодолевали огромную пропасть и внизу тускнели. На лакированных досках трека от них оставались только блеклые отсветы. Было яркое зимнее утро, здесь же царили сумерки. Том наблюдал за Зоей. Она подошла к краю трека и бросила сумку рядом с линией старта. По пустому гигантскому залу прокатилось эхо.

Потом она сняла туфли и носки, шагнула на трек, чтобы проверить наклон босыми ступнями. Немного прошлась против часовой стрелки. На прямых отрезках наклон был маленьким, а на виражах настолько крутым, что ее ступни

едва не соскальзывали. Она побежала трусцой, затем прибавила скорость, и Том почувствовал, как волоски у него на шее встают дыбом. Зоя расставила руки, издав странный крик, эхом разнесшийся по пустому пространству.

Через полчаса Том уже возвратился за секретарский стол – появилась Кейт. На ней были две флисовые куртки и вязаная шапочка, из-под шапочки торчали пряди светлых волос.

Она улыбнулась Тому.

– Простите, я, наверное, слишком рано? Я не знала, сколько времени займет путь от гостиницы. То есть я могу прийти позже, если... ну, вы понимаете.

Она остановилась между входной дверью и его столом. Том склонил голову набок, наблюдая за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kris-kliv/zoloto-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/kris-kliv/zoloto-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)